SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Е. Ф. Литвинова
  -
  - Введение
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Источники
- notes
  - 1

Е. Ф. Литвинова
Фрэнсис Бэкон. Его жизнь, научные труды и общественная деятельность

Биографический очерк Е. Ф. Литвиновой

С портретом Ф. Бэкона, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

Биография Бэкона не будит в душе нашей никаких возвышенных чувств, не вызывает ни умиления, ни благоговения. Мы проникаемся только холодным почтением к его умственным силам и стараемся отдать ему справедливость за оказанные человечеству услуги. Услуги эти действительно велики, и их легче всего и лучше всего можно оценить в наш век – век чудес науки. Бэкон ведь давно уже заслужил звание философа изобретений. Он не раз с гордостью говорил: «Я поручаю свое имя векам, отдаленным потомкам и чужим нациям», – рассчитывая, конечно, на то, что отдаленные потомки и чужие нации будут знать его только как основателя реальной философии, как гениального мыслителя, но что до них не дойдут подробности его жизни, запятнавшие его имя. Случилось не так. Отдаленные потомки в настоящее время меньше знают о его заслугах, чем о недостатках, и даже люди, ничего не читавшие о Бэконе, по слухам утверждают, что Бэкон доказал совместимость гения с низостью характера! Такое исключительное положение Бэкона налагает особые обязанности на пишущего его биографию. Приходится не только развертывать перед читателем его жизнь, говорить о его ученых трудах, но также быть судьею его поступков, рассматривать их с точки зрения нравственности и касаться при этом общих вопросов, сюда относящихся, не вдаваясь, разумеется, в ненужные подробности.

К сожалению, первые двадцать лет жизни Бэкона нам известны мало; но его общественная деятельность, история его падения и другие поступки, пятнающие его имя, переданы во всех сочинениях о Бэконе с самыми живыми подробностями. И не надо иметь большого воображения для того, чтобы они навсегда врезались в память. Мы выбрали из всего имевшегося в нашем распоряжении материала только наиболее достоверное, тщательно избегая излюбленных вариаций на эту тему, которые объясняются тем, что всякий, кто пишет биографию Бэкона, бывает поражен контрастом между его умственной деятельностью и жизнью. Современники относились к нему снисходительнее, чем потомки, потому что менее высоко ценили его как философа…

Ввиду упомянутого исключительного положения Бэкона мы позволили себе в последних главах этой книги провести параллель между Бэконом-философом и Бэконом-человеком и общественным деятелем. Первые четыре главы мы посвятили главным событиям жизни Бэкона и его характеристике как

общественного деятеля. В пятой главе читатель познакомится в общих чертах с философией и логикой Бэкона, а в шестой найдет краткое изложение энциклопедии Бэкона, имевшей большое влияние на энциклопедию XVIII века.

Глава I

Родословные Бэконов и Сесилей. Отличительный характер сословия, к которому принадлежали оба семейства. – Отец и мать Бэкона. – Юность Бэкона, его занятия и путешествия. – Смерть отца. – Бэкон против воли избирает юридическую деятельность. – Отношение королевы Елизаветы к Бэкону. – Бэкон – депутат палаты общин. – Первая речь Бэкона заслуживает немилость королевы. – Раскаяние и попытки смягчить гнев королевы. – Первое знакомство с графом Эссексом

Жизнь великого человека всегда привлекает внимание и современников, и отдаленных потомков; так естественно и сильно желание объяснить происхождение необыкновенных дарований, в чем бы они ни проявлялись: в математике, в философии, в общественной деятельности, в музыке. Но условия, создающие гениальность, остаются неуловимыми, несмотря на целые трактаты, посвященные этому предмету. Биография гения не выясняет, почему и как данный человек стал гением – и именно потому, что гениями не делаются, а родятся. Она только исследует условия, направлявшие деятельность великого человека и ее проявления. Эти условия распадаются на внешние и внутренние; к последним относятся характер человека и такие прирожденные свойства, которые не связаны с гениальностью, но оказывают влияние на ее развитие. Внешними же условиями определяются многие особенности деятельности, главным образом в том случае, когда мы имеем дело с писателями, общественными деятелями или философами. Математики и естествоиспытатели в этом отношении являются более независимыми от окружающей их среды.

Гёте справедливо говорил, что талант развивается в тишине, а характер образуется среди житейских волнений. Характер Бэкона не в узком, а в самом широком значении этого слова проявился в его философии. Бэкон никогда не был кабинетным ученым. Он был светским человеком более, чем всякий другой философ. Он никогда не мог примириться с уединенной жизнью ученых и говорил: «Понятия ученых так же узки, как их кабинеты, как монастыри и монастырские школы, в которых они живут как в тюрьме, не зная света, природы и века».

Практическая жизнь и деятельность наложила свою печать на философию Бэкона и придала ей особую оригинальность. Бэкон

сам как нельзя лучше сознавал свои особенности и считал их преимуществами, упрекая ученых в недостатке тех умственных качеств, которые можно приобрести только из практической жизни, то есть из понимания житейских дел и гражданского благоразумия.

Маколей сравнивал философию Бэкона с парящим ангелом, а Куно Фишер справедливее говорит, что Бэкон стремился отучить философию от заоблачных полетов; он желал оборвать у нее крылья или по крайней мере привязать к ним гирю, чтобы удержать ее на земле, среди земных нужд, радостей и печалей, от которых Бэкон сам никогда не отрывался. Это в наших глазах придает особенный интерес жизни Бэкона. Сверх того она, и независимо от связи с его философией, возбуждает много вопросов нравственного характера, вызывающих с каждым днем все больший и больший интерес в нашем обществе.

В настоящее время наследственности придают такое большое значение при изучении и объяснении характера, что начинать биографию знаменитого человека с его предков является необходимостью. К сожалению, это не всегда возможно. Составляя биографию человека, жившего двести лет тому назад, мы, конечно, пользуемся уже существующими биографиями, в которых редко находим сведения о деде и прадеде великого человека; большей частью все ограничивается несколькими словами о родителях. Это общее замечание относится также и к биографии Бэкона. Мы имеем только родословные Бэконов и Сесилей, из которых узнаем, что дед Бэкона, Роберт Бэкон, был родом из Суффолка (Suffolk), женился на Елизавете Кэдж и оставил после себя сына Николаса (отца Фрэнсиса), имевшего от брака с Энн Кук, дочерью Энтони Кука, двух сыновей – Энтони и Фрэнсиса; последний был женат на Элис Бэрнгэм и не оставил после себя детей. Дядя Фрэнсиса Бэкона, Вильям Сесиль (женатый на сестре его матери), лорд Бюрлейг, был отцом Роберта Сесиля, лорда Солсбери. Вот и все, что мы встречаем по части родословной в известных нам биографиях Бэкона.

Итак, приходится начинать с родителей Бэкона. Класс людей, к которым принадлежал по своему общественному положению отец Бэкона, был неизвестен в древности и даже мало распространен в средние века: это было служилое сословие – чиновники, занимавшие административные должности по назначению правительства. В Англии этот класс сделался заметным при Тюдорах. Правительство поддерживало служилых людей, окружая их почетом, давая им привилегии, потому что они были его слугами. Исключительное положение должностных лиц отразилось на их нравственных воззрениях. Верный,

исполнительный слуга своего господина позволял себе презрительно относиться к обществу, от которого он был вполне независим. Все старания бюрократа, весь его ум был направлен на то, чтобы держаться на месте. Сесили, отец и сын, в царствование Елизаветы и ее наследника, могут служить образцами такого рода чиновников. Оба они были ловкими министрами. Среди таких людей выдающихся личностей было немного, и тем более трудно было встретить между ними философа. К этому-то миру чиновников, узкому и заеденному формальным отправлением обязанностей, принадлежало семейство Бэконов. Но и в этом мире, разумеется, попадались достойные люди; к числу последних принадлежал отец Фрэнсиса, Николас Бэкон. Отсутствие честолюбия предохраняло его от желания чересчур угождать властям и постоянно выслуживаться, хотя он был искренне и глубоко предан королевской власти. Николас Бэкон не стремился попасть в пэры, и девизом его всегда была «непоколебимая умеренность». В то же время это был человек весьма способный и деятельный. Благодаря этим качествам и близкому родству с Сесилем ему удалось, однако, сделаться хранителем большой печати – добиться важного звания, которое он сохранял до своей смерти.

Итак, более двадцати лет место лорда-хранителя большой печати в царствование Елизаветы принадлежало Николасу Бэкону. Он родился в 1510 году и происходил из рода, пользовавшегося известностью. Отличительной чертой его характера была величайшая осторожность в поступках и уменье *приспособляться* к духу времени. Эти свойства доходили в нем до того, что в царствование Марии он сумел прикинуться католиком. В обыденной жизни, как и в общественной, отец Бэкона был человек простой, не зараженный ненасытным честолюбием, умеренный в своих привычках и обладающий здравым смыслом. Он всегда обращал внимание на суть дела, и его очень трудно было провести пустыми, громкими *фразами.*

Мать Бэкона справедливо пользовалась славой одной из образованнейших женщин своего времени. Нам известно, что в то время в Англии женщины отличались большой начитанностью и любовью к литературе. Леди Грэй читала Федона в подлиннике; чтение служило ей отрадой в тяжелые минуты. Принцесса Елизавета говорила на многих языках и переписывалась со своим учителем по-гречески. Все пять дочерей Энтони Кука считались еще ученее принцессы. Вторая из них, Энн, вышла замуж за Николаса Бэкона. У них было, как мы сказали, два сына – Энтони и Фрэнсис.

Современники утверждали, что мать Фрэнсиса Бэкона

прекрасно владела греческим языком, была хорошо знакома с теологией и отличалась некоторым свободомыслием в религии.

Фрэнсис Бэкон родился 22 января 1561 года в Йоркхаузе (York House), в доме отца в Лондоне. Он рос слабым и болезненным ребенком, но рано обнаружил необыкновенные умственные способности и любознательность. Явления природы особенно останавливали его внимание. Все находили, что по уму он в мать. Он напоминал свою мать и нежными, тонкими чертами лица, обрамленного чудными локонами. Королева Елизавета пришла в восторг, увидев впервые прекрасного мальчика. Она долго с удовольствием разговаривала с ним и назвала его своим маленьким лордом-хранителем большой печати.

В 1573 году, тринадцати лет, Бэкон поступил в Кембриджский университет и через три года вышел оттуда, не получив никакой ученой степени, глубоко неудовлетворенный преподаванием всех предметов и главным образом лекциями философии, о которых он не мог равнодушно говорить. Он тогда уже начал мечтать о перевороте в науках. Известно, что Декарт в те же годы задумал свои преобразования в области философии.

Вскоре по выходе из университета Бэкон отправился путешествовать; в то время это считалось необходимым довершением образования каждого англичанина, принадлежавшего к хорошему семейству. Бэкон объехал часть Франции и поселился в Париже.

Итак, о первых двенадцати годах жизни Бэкона нам известно мало. Воображение рисует прекрасного мальчика, который тихо рос и быстро развивался в тенистых садах, расположенных на красивых берегах Темзы. Того немногого, что нам известно о родителях Бэкона, достаточно, однако, для составления понятия о главных условиях первоначального развития философа и человека. Мать любила рассуждать о религии; такие разговоры должны были рано направить ум Фрэнсиса на стезю философии, к которой он имел склонность, унаследованную от матери. В то же время от отца он мог заимствовать нелюбовь к «словам, словам и словам!» Все это, вместе взятое, объясняет отрицательное отношение тринадцатилетнего мальчика к формальной философии, преподававшейся в то время в Кембриджском университете. Замечательно, что в тринадцать лет мы находим в Бэконе задатки будущего творца реальной философии. Итак, в умственном отношении первые годы жизни Бэкона, проведенные под влиянием отца и матери, принесли ему большую пользу. Посмотрим теперь, среди каких условий развивался нравственный характер Бэкона. Мать его очень свободно относилась к религии и не могла ему внушить твердых,

незыблемых нравственных правил, в которых воспитала своего гениального сына строгая, религиозная мать Канта. Отец Бэкона и семейство Бюрлейгов принадлежали к людям, которые ни в коем случае не могли развить в нем нравственных принципов; их нравственность, как мы сказали, была относительной, эластичной, дочерью не только времени, но и обстоятельств. Такое безразличное отношение к нравственным принципам Бэкон вынес из дома своих родителей вместе с широким умственным развитием и с ними вступил в жизнь. Он не был злым и испорченным юношей; напротив, все знавшие его при жизни отца находили его мягким, приветливым, приятным в обращении, живым, остроумным. Если бы жизнь Бэкона с самого начала пошла ровно и гладко, он вероятно, как и его отец, оставил бы после себя незапятнанное имя и прожил бы мирно, как жил во Франции, когда находился на попечении заботливого родителя.

В Париже в то время, когда там жил молодой Бэкон, было столько различных партий, что всякий человек находил себе единомышленников и не чувствовал себя чужим. Бэкону представлялось множество случаев наблюдать различные течения тогдашней европейской политики. Вскоре он был представлен английскому посланнику в Париже, и на него стали возлагать дипломатические обязанности. Во время этих экскурсий в область дипломатии Бэкон изобрел шифрованное письмо, которым затем пользовался, когда писал философские трактаты. Но самым ценным приобретением были наблюдения над положением различных европейских государств; из его заметок, относящихся к этому предмету, видно, что он верно понимал характер правителей и хорошо знал положение финансов каждой страны. В доказательство приведем его мнение о Генрихе III: «Генриху III тридцать лет; он человек слабого сложения, со всеми физическими недостатками, ведет жизнь неправильную, слишком предается удовольствиям и любит только танцы и празднества. В нем нет большого ума, но он приятен в обращении… Без открытой войны, по-видимому бездействуя, он, однако, не теряет времени, чтобы обессилить своих врагов».

К таким суждениям Бэкон, очевидно, был подготовлен ранним знакомством с жизнью.

Молодой Бэкон, живя по Франции, как видно, спокойно смотрел вперед; сын уважаемого отца, обеспеченный, образованный, богато одаренный от природы, он мог рассчитывать вскоре приобрести видное положение и славу, как только это будет нужно. В приятном ожидании того и другого можно было не торопиться, путешествовать, наблюдать жизнь с высоты птичьего полета, предаваться размышлениям. Но как раз в

это время условия его жизни совершенно изменились. Бэкон находился в Пуатье в то время, как получил поразившее его известие о смерти отца; это случилось 20 февраля 1579 года. Бэкон понял свое новое положение и вернулся в Англию. Состояние его отца было невелико, хотя он значительно обогатился, потому что, согласно обычаю, наделен был поместьями, отнятыми у церкви. Прекраснейшее из них – Горгамбури близ Сент-Албана – отличалось великолепными садами, разбитыми и разведенными Николасом Бэконом; но поместье это наследовал, как старший сын хранителя печати, Энтони Бэкон. Вместе с замком и принадлежащими ему землями Энтони наследовал скромность и честность своего отца. Физические недостатки препятствовали Энтони играть видную роль в общественной деятельности, но он считался в кругу знавших его людей чрезвычайно дальновидным, тонким политиком. Многие отдавали ему в некоторых отношениях преимущество перед Фрэнсисом. Он всегда был в хороших отношениях со своим младшим братом, но никогда не входил в его положение и ничем ему не помогал. Бэкон, таким образом, из обеспеченного юноши превратился в молодого человека, предоставленного самому себе; у него не было ни своего замка, ни сильного покровителя. Отец позаботился о нем при жизни и отложил капитал для покупки имения своему младшему сыну, но так как он не успел этого сделать, то после его смерти собранный капитал поделили поровну между всеми наследниками. Таким образом, Фрэнсис Бэкон очутился на пороге жизни в положении очень стесненном. Ему предстояло избрать юридическую карьеру. Но он не чувствовал к ней ни малейшей склонности и возлагал всю надежду на покровительство своего дяди, лорда Бюрлейга; скоро ему, однако, пришлось убедиться, как мало можно рассчитывать на покровительство богатых и знатных родственников. Несмотря на то, он долгое время неотступно просил Бюрлейга дать ему какое-нибудь место. Избалованный, не привыкший к нужде, Бэкон глубоко страдал и готов был на всякое унижение, чтобы только умилостивить своего богатого родственника. Но дядя отвечал племяннику пренебрежительной холодностью, причину которой никто не мог объяснить. Впоследствии Бэкон говорил, что его дядя был таков со всеми, что он систематически устранял от деятельности всех способных людей. Предполагали, что это делалось с целью устроить получше своих детей, в частности своего второго сына Роберта, на которого он возлагал большие надежды. И действительно, отцу удалось передать сыну свое место. Но все это не могло помешать дяде помочь и племяннику. Не мог же гордый Бюрлейг думать,

что Бэкон перебьет дорогу его детям.

Мы сказали, что Бэкон склонял свою голову перед влиятельным родственником, но он смотрел на это как на временное и скоропреходящее унижение. Старый дядя чувствовал умственное превосходство молодого племянника и видел, что последний знал себе цену. Ему вообще не нравились смелые идеи, – его выводило из себя и раздражало все незаурядное. Он с презрением говорил о племяннике: «Фрэнсис – человек отвлеченный». Такое обращение раздражало Бэкона; неудачи не закаляли его души, а напротив, распаляли желание во что бы то ни стало выбиться из зависимого положения; в нем развивались мелочные чувства. Неволя заставила его в конце концов сделаться юристом. Ему пришлось начать с того же, с чего начинает всякий скромный студент: он поступил в Gray's Inn, куда поступали все готовящиеся к званию судей или к поприщу адвоката. В этом учреждении всем служащим предоставлялись квартиры на всю жизнь. И Бэкон под старость, лишившись своего дома в Лондоне (Йоркхауз), останавливался там, когда приезжал из Горгамбури в Лондон. Долгое время показывали комнаты, в которых он жил, и посаженные им деревья. В царствование Карла II аллеи Бэкона были модным, любимым местом прогулки, но теперь они не существуют; комнаты Бэкона также давно уничтожены пожаром.

Бэкон вскоре приобрел солидные и основательные знания в юридических науках, но все же занимался ими неохотно. Впрочем, само учреждение, где он провел свои молодые годы, было ему всегда дорого, и он постоянно украшал свое пожизненное помещение, хотя очень долгое время его не занимал.

Существует основание предполагать, что и в то время Бэкон занимался философией. Он сам подтверждает это предположение, но не говорит ни о каких внешних условиях, вызывавших в нем в то время интерес к философским вопросам. Главный источник, конечно, находился в нем самом, но соприкосновение с людьми также должно было оказать свое влияние. Известно, что в Лондоне находился в то время неаполитанец Бруно, изгнанный из своего отечества за свободомыслие; он переводил философские сочинения и занимался литературой. Елизавете он был представлен посланником Генриха III; она приняла Бруно в высшей степени благосклонно, и он называл ее Семирамидой и Клеопатрой, Дианой и Амфитритой. Замечательнее всего, что Бруно дозволено было в присутствии сконфуженных профессоров защищать движение Земли и беспредельность вселенной.

Впоследствии Бруно описал это путешествие в Англию; он

жаловался на невежество лондонских профессоров и смеялся над жалким положением английской науки. Действительно, в университете вместо живой науки царствовала тогда повальная формалистика. Профессора заботились только о том, чтобы выучить наизусть Аристотеля и затем торговать правилами «Органона», объясняя каждое из них ученикам за пять шиллингов платы.

Бэкон только раз мельком упоминает о Бруно, однако трудно допустить, чтобы он не знал человека, о котором одно время говорил весь Лондон. Впрочем, из сочинений Бэкона мы видим, что он не признавал даже великих открытий своего современника Галилея. Но, может быть, на него возбуждающе действовало самое отношение Бруно к авторитетам? Во всяком случае, то же отношение мы находим у самого Бэкона, и он оставался верен ему всю жизнь.

Предаваясь философии, Бэкон не забывал, – или, вернее, не мог забыть, – что ему необходимо не только размышлять, но и действовать, – одним словом, он торопился начать свою общественную деятельность. Вскоре ему удалось получить место асессора, а потом ректора в том же Gray's Inn; но как он сам относился к юриспруденции свысока, так и юристы относились к нему. Его не признавали истинным юристом, потому что он вносил в этот предмет философскую точку зрения. Секретарь графа Эссекса отзывался о его юридических трудах так: «Сумасшедший не мог бы написать этого, а благоразумный человек не осмелился бы этого сказать». Из последнего замечания видно, что Бэкон в молодости не скрывал своих убеждений, проявлял свою оригинальность, хотя замечал, что она пугает других, и не воздерживался от острот, хотя наживал себе ими врагов. Между последними особенно заметен Эдуард Кук. Это был человек, имевший узкие взгляды, но делец, самый ловкий и богатый адвокат в Лондоне. Трудно было тягаться с ним Бэкону, которому в то же время приходилось бороться с бедностью и неизвестностью. Бэкону оставалось только одно: защищая процессы, возбужденные казной, угождать правительству. Королева Елизавета, подчиняясь общему мнению, также находила, что Бэкон, хотя очень умен и образован, но не глубокий юрист. Несмотря на это, она сделала его своим экстраординарным советником. Это было совершенно новое звание; оно давало ему право являться защитником во всех процессах казны и носить шелковое платье при исполнении обязанностей. А главное, предоставляло возможность видеть иногда королеву и беседовать с нею. Королева с удовольствием разговаривала с Бэконом; он успешно вел ее дела, но дальше не

продвигался.

Бэкон с блестящим остроумием ответил на один памфлет, направленный против правительства, удачно защищал память своего отца и восхвалял мудрое правление Бюрлейга. Его хвалили, но ему не хватало существенного, – он был необеспечен. Он писал в это время своему дяде: «Признаюсь, мое честолюбие безгранично в области созерцания, но оно самое умеренное в общественной жизни. Я хочу пользоваться неограниченной властью в науке, я хочу изгнать всех, кто ей вредит: болтунов, слепых поклонников старых традиций и т. д. Если мне не удастся упрочить здесь своего положения, я продам свое маленькое наследство, буду жить на свой скромный доход, зароюсь в книги и отложу всякую надежду на общественное положение». Наконец Бюрлейг сжалился и обещал ему место с содержанием в 16 тыс. рублей в год. Но это место являлось для Бэкона журавлем в небе, потому что вакансии надо было ждать двадцать лет. Он по-прежнему оставался бедняком. Все хвалили его талант, но делали это как-то холодно, поэтому он не становился широко известным. Многие ходили слушать его защиты, сама королева не раз присутствовала на них; но клиенты, обогащающие своих защитников, к нему не являлись. Между тем его кузен Роберт уже метил в министры и советовал ему в дружеском, но покровительственном тоне оставить мечты и перестать философствовать. Положение Бэкона знакомо всем людям, отмеченным природой и принужденным пробивать себе дорогу. К ним в обществе всегда относятся так, как цыплята к утенку, высиженному курицей. Все его оглядывают и находят, что ему не место между ними; другое дело свой брат – золотая посредственность, – ей подают руки, ее тянут за уши, каждый признает в ней что-то свое, родное!

Бэкон чувствовал себя униженным и оскорбленным; среди людей чиновных и обеспеченных он был на голову выше других, но все же у него не было обеспеченного места и он– чувствовал себя лишним между своими знакомыми, как чувствует это всякий работник, остающийся без работы. Несмотря на приобретенную привычку свертываться в клубок перед сильным и целовать те руки, которые его били, он иногда изменял себе и делал какой-нибудь внезапный, независимый, смелый шаг.

В 1593 году он представился избирателям графства Миддльсекс, желая быть выбранным в палату общин. Парламент не созывался уже четыре года. Елизавете повиновались, ее любили, и она обходилась без парламента. Палаты ей были нужны только в делах финансов. Елизавета созывала новый парламент всегда неохотно и запугивала его членов угрозами.

Первые ораторы, заговорившие в палате общин о делах, не представленных парламентом на рассмотрение королеве, были заключены в тюрьму. В то время парламент был, таким образом, далеко не тем, чем он стал теперь. Но все же тем людям, которые знали дело и умели хорошо говорить, он открывал возможность приобрести влияние и выдвинуться. В палату общин Бэкон был выбран одновременно со своим братом Энтони. Легко понять, что Фрэнсиса Бэкона неотразимо влекла эта деятельность; в дебатах он мог проявить свое искусство владеть речью, усовершенствованное многосторонним образованием. В речах Бэкона, уцелевших по настоящее время, мы не находим ничего особенного, хотя его блестящее воображение обогатило эти речи удачными сравнениями; но, как видно, в то время эти речи действительно вызывали восторг у слушателей. Современники Бэкона утверждали, что он одинаково хорошо говорил и писал. Но не одно только желание проявить свое красноречие привело Бэкона в палату общин: ему хотелось провести реформу гражданского закона, составлявшую мечту всей его жизни. Требованиям этой реформы и посвятил он свою первую речь. Но между палатой общин и палатой пэров произошло столкновение, и объяснения вести пришлось Бэкону. Он смело стал защищать интересы слабых и угнетенных, говоря, что обязанность парламента – обнаруживать раны государственного тела и что королеве любовь народа должна быть дороже денег.

Роберт Сесиль ответил ему на эту речь резким письмом; Бэкона не взяли под арест, но объявили ему, что он лишился благосклонности королевы и не может более рассчитывать на ее милости. Тут только понял Бэкон всю неосторожность своего поступка и взмолился о прощении. Он писал письма, полные раскаяния и самоуничижения; ничто не помогало. Последняя надежда занять видное общественное положение исчезла; он думал, что звезда его закатилась навсегда, однако скоро оправился от удара.

Через год открылась вакансия генерал-прокурора; Бэкон с новой надеждой и удвоенной энергией стал добиваться этого места, но его занял все тот же Кук, которому суждено было являться счастливым соперником Бэкона. Бэкон снова пришел в отчаяние. Трудно было после всех неудач ждать чего-нибудь от сухого упрямого педанта Бюрлейга. Нужно было найти более милостивого, но такого же сильного покровителя. Таким покровителем мог быть только любимец королевы, не уступавший в силе министру и всегда составлявший ему оппозицию. В то время сердце королевы Елизаветы принадлежало Роберту Девере, графу Эссексу. Это был человек живой, увлекающийся, прямой,

преданный друг и неизменный покровитель всех, кто был угнетен, обладал талантом и не был заурядным. Эссекс был самый популярный царедворец в Англии, отличавшийся рыцарской доблестью. Он принял горячее участие в положении Бэкона и своей энергией несколько пристыдил Бюрлейга, который, казалось, понял наконец, что и ему следует сделать хоть один шаг в пользу племянника. В это время в письме к Фрэнсису Бэкону Бюрлейг сообщил ему результаты своих неудавшихся хлопот. Письмо первого министра содержало следующее: «Племянник! Не имею времени писать много; но я хлопотал за Вас. Королева приказала лорду-хранителю печати представить ей список всех известных юристов. Лорд уведомил меня об этом; я указал ему на Вас как на человека, вполне отвечающего назначению. На это он заметил мне, что готов был бы сделать представление о Вас из дружбы к Вашему отцу, но все же не решается поставить Вас на один уровень с другими предложенными им законоведами, которых он может особенно рекомендовать. Несмотря на то, я напомню о Вас королеве и прибегну к посредничеству графа Эссекса. Любящий Вас дядя».

Внезапно пробудившаяся благосклонность старого влиятельного родственника не принесла на этот раз Бэкону никакой пользы. Хранитель печати оказался главной помехой. Он находил, что Бэкон был к нему недостаточно почтителен. Бюрлейги, отец и сын, скоро перестали хлопотать о Бэконе; ходили даже слухи, что последний относился враждебно к своему двоюродному брату. Итак, у Бэкона был один только смелый и верный защитник – граф Эссекс. Равнодушие ближайших родственников Бэкона возмущало Эссекса до глубины души и придавало ему энергии; он писал: «В хлопотах о Бэконе мне не приходят на помощь те люди, которые должны бы быть его первыми друзьями; это заставляет меня работать в пользу его за четверых». Но королева, называвшая когда-то Бэкона своим маленьким лордом-хранителем большой печати, не желала сделать его и генерал-прокурором. Она оставалась при мнении, что Бэкон не ахти какой законник, и к тому же не могла ему простить смелой выходки в палате общин. Даже всемогущему Эссексу не удалось на этот раз ничего добиться у королевы; с сокрушенным сердцем он откровенно писал Бэкону о своих неудачных попытках. Благородный Эссекс был, кажется, тогда единственным поборником справедливости и врагом формализма.

Глава II

Личность графа Эссекса. – Его упорное стремление выхлопотать Бэкону место штатного адвоката. – Эссекс дарит Бэкону свое поместье. – Обеспеченный им Бэкон предается научным и литературным занятиям. – «Опыты» Бэкона. – Слава писателя. – Перемена в отношениях к нему правительства. – Неудачное сватовство

Граф Эссекс занимает такую видную роль в жизни Бэкона, что нам необходимо на ней остановиться и рассмотреть его со всех сторон. Мы видели, что своим влиянием на королеву граф пользовался для того, чтобы выдвинуть вперед Бэкона. Приведем письмо Эссекса к Бэкону, которое послужит лучшей характеристикой этого во всех отношениях замечательного человека.

«Королева не подает мне ни малейшей надежды; при этом она не проявляла никакой неприязни против Вас до тех пор, пока я не высказал своей привязанности к Вам. Но когда она заметила мое к Вам расположение, то с неудовольствием сказала, что только я и министр считаем Вас достойным такого назначения; никто другой не разделяет нашего мнения… Я просил ее не отнимать у меня надежды, дать мне тайное обещание, что она откроет Вам путь; это было бы для меня большим утешением, а лишение надежды – страшным горем. Она отвечала мне, что не может сказать ничего решительного и желает все дело отложить до пасхи; тогда она обсудит все как следует со своим советом, – в настоящую же минуту члены совета находятся в отсутствии. Наконец она рассердилась на меня и просила меня удалиться и лечь спать, если я не хочу говорить с ней о чем-нибудь другом. Тогда я также вышел из себя и сказал, что до тех пор, пока буду находиться при ней, не перестану просить ее о деле и человеке, которыми я глубоко заинтересован; я ушел, сказав, что намерен ждать того часа, когда меня выслушают благосклоннее. Так мы с королевой и расстались. Завтра я нарочно выезжаю отсюда и, уехав, напишу королеве трогательное письмо». Из всего этого видно, как настойчиво и неуклонно добивался Эссекс расположения королевы к Бэкону. Иногда, казалось, она готова была дать ему место штатного адвоката, но через минуту опять твердила свое, и в конце концов на место штатного адвоката, остававшееся долго свободным после повышения Кука, был назначен сержант Флемминг. Огорченный Эссекс сообщал об

этому Бэкону:

«Королева мне отказала и назначила вместо Вас другого. Я знаю, Вы мало заботитесь о своих личных делах; Вы доверились мне; Вы на меня положились; я не умру, не сделав Вам чего-нибудь полезного».

Граф Эссекс хотел улучшить материальное положение Бэкона, подарив ему хорошее поместье. На простые, идущие от сердца слова Эссекса обрадованный Бэкон отвечал речами, преисполненными цитат и сравнений, заимствованных из истории, говорил, что граф напоминает ему Гиза, отдавшего все свое богатство на благотворительные дела, и так далее.

Вероятно, граф Эссекс принес бы большую пользу своей родине, если бы судьба не привела его на скользкий, несвойственный ему путь любимца королевы Елизаветы; на горе себе граф Эссекс пробудил в сердце королевы одну из тех странных и страстных привязанностей, которую сами историки не смогли как следует выяснить. Многие утверждали, что в нем было более наружного блеска, чем истинного достоинства, что он способен был забываться, доходить до дерзости. Однако вместе с этим все утверждали, что Эссекс – человек обходительный, искренний, талантливый, умный, великодушный; в самих его недостатках, как и в достоинствах, было нечто гордое, рыцарское. Мы видели, что, познакомившись с Бэконом, он вскоре сделался его другом и покровителем. И Бэкон очень долго нуждался в нем, потому что королева Елизавета была предубеждена против Бэкона и не хотела дать ему видной должности, которой он, сознавая свои силы, упорно добивался. Из дальнейших писем Эссекса к Бэкону видно, что склонить королеву в пользу Бэкона ему было по-прежнему трудно; она сердилась на него за настойчивые просьбы и говорила: «Ах, этот Эссекс! Он надоел мне даже больше Бэкона». Ни подарки Бэкона, ни сочиненная в честь королевы аллегория не помогали. Бэкон впал в совершенное отчаяние и решился, уехав из Лондона, занять место в Кембриджском университете. Он жил в то время в поместье Эссекса, и его даже посещала мысль, оставив свое отечество, отправиться путешествовать.

Эссекс, потеряв окончательно надежду сделать что-нибудь для Бэкона с помощью королевы и желая оказать поддержку своему другу, подарил ему обещанное поместье, находившееся в расстоянии десяти миль от Лондона. Подарок был сделан им от души и предложен в такой деликатной, изысканной форме, что нисколько не мог задеть гордости Бэкона. В этом очаровательном местечке, на красивых берегах Темзы, Бэкон со свойственной ему настойчивостью принялся работать, желая своими трудами

заставить краснеть своих врагов за их пристрастие и несправедливость. Королева не раз высказывала сомнение относительно его юридических познаний; Бэкон, желая доказать ей свою состоятельность и в этом отношении, посвятил свое рукописное сочинение о применении на практике общинного закона. В то же время он начал печатать свои знаменитые «Опыты», которые прославили его имя и произвели переворот в английской литературе и жизни. Это был его первый литературный труд. Ремюза сравнивает эти «Опыты» Бэкона со знаменитыми «Essais» Монтеня, которые, не заключая в себе ничего оригинального, оказали великую услугу, просветив современников. Их автор не открыл ничего нового, но создал литературный язык. Бэкон уступает Монтеню в изяществе, но превосходит его разнообразием предметов, глубиной мысли и содержательностью.

В этих «Опытах» Бэкон со свойственной ему ясностью излагал свои взгляды на вопросы нравственности и политики. Сам автор сравнивал свои «Опыты» с письмами Сенеки. Он говорил: «Эти размышления о многих различных предметах – плоды из моего сада, сорванные недозрелыми». Такой взгляд Бэкона объясняется тем, что в то время в уме его росли и зрели идеи других, более обширных и глубоких трудов. Говорят, что то, чему предназначено долго жить, создается медленно. Великие труды, принадлежащие потомству, поглощают всю жизнь гениальных людей. «Опыты» Бэкона нельзя причислить к таким трудам, к каким относится его «Новый Органон». Но сочинения, написанные легко и наскоро, более способны действовать на умы современников. В них писатель говорит языком, более отвечающим духу времени, хотя проводит те же идеи. Успех «Опытов» Бэкона служит подтверждением этого замечания. В последних мы находим те же мысли, которые встречаем и в философии. В вопросах нравственности и политики Бэкон восстает против словесной мудрости и, вместо метафизических отвлеченных начал, советует исходить из опыта, наблюдать людей и жизнь и руководиться этим знанием для того, чтобы научить людей сделаться добрыми, а не навязывать им непонятных принципов и не проповедовать выдуманную нравственность. Существует основание думать, что среда, в которой жил Бэкон, была уже подготовлена к такого рода воззрениям. Мы видели, какой живой интерес возбудил в Лондоне Бруно своими речами, направленными против схоластической мудрости.

В политике Бэкон явился последователем идеи Макиавелли, высказанной им в более мягкой форме. Современник Бэкона,

Шекспир, обнаружил сходные взгляды в вопросах нравственности и политики. В драгоценной библиотеке Кузена находился единственный экземпляр «Опытов» Бэкона, который будто бы принадлежал Шекспиру. Имя и почерк великого поэта, как утверждали, можно было разобрать на этой книге. Предполагают, что мысли Бэкона принесли огромную пользу Шекспиру, хотя сам Бэкон, казалось, не замечал не только его таланта, но и его существования. Однако тщательное изучение Шекспира приводит многих к заключению, что великий драматург думал и наблюдал в духе отца реальной философии. Такое сходство взглядов подало повод, как мы увидим дальше, к необоснованной гипотезе, что драмы Шекспира были написаны Бэконом. Влияние Бэкона на Шекспира еще более подтверждает мысль, что семена реального знания уже витали в воздухе. Такое знание вполне отвечало духу английского народа, мало склонного к метафизике. Итак, плоды философии Бэкона, которые он сам называл незрелыми, принесли большую пользу его современникам, потому что явились своевременными. Знатоки английской литературы считают язык, которым написаны «Опыты», образцовым. Современники считали Бэкона лучшим учителем красноречия. Но не в этом главное достоинство Бэкона-писателя, а в объективном понимании действительности, в трезвом взгляде на вещи, который рассеял множество предрассудков.

«Опыты» Бэкона не только имели живое и прочное влияние на умственное развитие Англии, но оставили также неизгладимый след в создании литературного языка. Этот новый род литературы нашел последователей, и авторы различных «Опытов», начиная с Бэкона и кончая Маколеем, заняли почетное место в истории английской литературы.

«Опыты» Бэкона еще при жизни автора выдержали девять изданий. Слава писателя возвысила славу юриста и оратора. И правительство стало относиться к нему благосклоннее. Ему оставалось, однако, победить своего главного врага – бедность. Он задумал поправить дела выгодной женитьбой. Случай скоро представился; овдовела одна его богатая родственница, знатная и красивая. Сватом Бэкона явился все тот же неутомимый покровитель, Эссекс.

Леди Геттон, внучка Бюрлейга, отличалась выдающимся умом, но была капризна и своенравна. Небогатому Бэкону она предпочла богатого старика Кука и тайно с ним обвенчалась; она не захотела носить имя своего мужа и мучила его всю жизнь. Вероятно, и Бэкон был бы несчастлив с нею, но есть основание думать, что он искренне и неизменно любил свою жестокую кузину. С тех пор он еще более возненавидел Кука; о кузине же

своей вспомнил и в последнем своем завещании. Тяжело было ему пережить неудачу в то время, когда бедность его доходила до того, что приходилось сидеть в заключении за ничтожный долг. Но все же многое было им достигнуто: он приобрел благосклонность и доверие королевы. Она часто приезжала к нему и советовалась относительно многих важных дел. Но не эти дела сблизили государыню с ее подданным, а то, что Бэкон считался другом Эссекса. Он часто служил посредником между непокорным любимцем и государыней, ревновавшей его ко всему, даже к славе. Пылкий Эссекс так увлекался своей славой, что становился высокомерен со своей покровительницей. Осторожный Бэкон советовал ему быть скромнее и уговаривал королеву относиться снисходительнее к Эссексу. Последнему он написал письмо, в котором излагал свои мысли о поведении любимца властной и подозрительной принцессы. Бэкон высказывал мнение, что такой любимец не должен иметь ни политического значения, ни военной славы, ни популярности. Он убеждал Эссекса отказаться от прав любимца и поставить вместо себя другого, который был бы только любимцем, но совершенно зависел бы от него. Такие советы были не в духе Эссекса; он не мог им следовать, он не только не думал о спокойствии королевы, но постоянно ее чем-нибудь раздражал. Он то сказывался больным, то делал вид, что примыкает к оппозиционной партии, то приводил ее в отчаяние своими изменами. Сам же неутомимо искал военной славы.

Мы можем согласиться только с последним советом Бэкона: Эссексу необходимо было как-нибудь избавиться от роли любимца. На эту роль не способен был человек, к которому можно было отнести известные слова Шекспира, обращенные к Бруту: «Вся природа могла выступить и сказать: это был человек!» Он был предан высоким человеческим интересам, горел благородным честолюбием и не мог лежать спокойно у ног ревнивой женщины, которая непременно хотела, чтобы он жил и дышал только ею. Эссекс рвался вдаль; его не пускали. Наконец ему удалось с великим трудом получить начальство над экспедицией в Испанию. Осторожный Бюрлейг восставал против наступательных военных действий. Что касается королевы, она думала только о графе Эссексе и, уступив ему, не знала, чего желать – победы или поражения; первой она боялась столько же, сколько и второго; военная слава могла вскружить голову Эссексу, но более всего она страшилась смерти Эссекса. Экспедиция имела успех; все хвалили храбрость, великодушие, сообразительность блестящего молодого генерала. По возвращении в Англию Эссекс был встречен с восторгом, но

королева приняла его очень холодно и с неудовольствием заметила ему, что он обращался с королем Испании, как со своим личным врагом, как равный с равным. Эссекс, упоенный своими успехами, не обращал никакого внимания на недовольство королевы и министров; это усиливало гнев Елизаветы, и здесь, разумеется, дело не обошлось без Бэкона. Но удачный поход в Испанию только возбудил в Эссексе жажду военной славы; это был настоящий герой, не выносивший бездействия; его неотразимо тянуло в Испанию; он желал снова вести туда армию. Он получил было сильный отпор со стороны министра; но на помощь к нему явился Уолтер Рэли, человек очень умный, которому одно время предстояло занять место Эссекса у ног королевы; пылкий Рэли употребил все усилия на то, чтобы помирить Эссекса с Бюрлейгом, и это наконец ему удалось; таким образом Эссекс добился новой экспедиции в Испанию; он по-прежнему командовал всей эскадрой, то есть состоял главным начальником и на суше, и на море. Неблагоприятные ветры расстроили все намеченные планы и разъединили флот. Рэли, принимавший горячее участие в экспедиции, действовал опрометчиво, не дожидаясь приказаний Эссекса, которому, разумеется, пришлось отвечать за все. Экспедиция принесла так мало выгоды, что едва покрыла издержки. Королева встретила генералов и главного начальника экспедиции более чем холодно. Сверх того, у нее вскоре произошла ссора с Эссексом за назначение одного офицера. Эссекс в присутствии многих придворных дерзко говорил с королевой и с презрением повернулся к ней спиной. Елизавета так рассердилась, что выдрала его при всех за уши и сказала: «Убирайтесь, велите себя повесить». Эссекс приложил руку к своей шпаге и поклялся, что от самого Генриха VIII он не вынес бы такого оскорбления. Граф оставил дворец в припадке большой ярости. Все это тревожило Бэкона. Эссекс не сомневался в свой власти над королевой и думал, что его влиянию не будет конца, а Бэкон знал, что такое напряженное состояние, в котором Эссекс постоянно держал Елизавету, не могло тянуться долго. Разумеется, все эти выходки Эссекса приводили королеву в ярость, за которой следовал упадок сил. Эссекс понемногу утрачивал свою власть над нею, хотя и был по-прежнему любим. Мы видели, что он искал новой славы и просился в Испанию. После долгих усилий ему наконец удалось начать новый поход против Испании. Поход этот был неудачен. Королева холодно встретила своего любимца. Все это расстроило Эссекса; гордость его жестоко страдала; он постоянно дулся на королеву и не появлялся при дворе. Но когда в Лондоне разнесся слух, что Эссекс болен, в королеве пробудилось снова

нежное чувство к нему; она торжественно с ним помирилась и пожаловала ему наследственный титул графа-маршала. Бэкон все время разрыва своего покровителя с королевой действовал в его пользу. Перемирие королевы с Эссексом продолжалось, однако, недолго. Он своей несдержанностью вновь навлек на себя ее гнев. Королева сердилась и на Бэкона, старавшегося оправдать как-нибудь своего покровителя. Бэкон писал одному из своих друзей: «Падение Эссекса – дело его собственных рук, а мне поневоле придется разделить с ним его участь». Бэкон хорошо понимал, как трудно было ему расположить к себе королеву и боялся потерять то немногое, что приобрел благодаря величайшим усилиям.

Пылкий, честолюбивый Эссекс все стремился к деятельности и теперь был окончательно неспособен лежать спокойно у ног своей покровительницы; после долгих, страшных усилий ему удалось наконец сделаться наместником в Ирландии. Это место, требовавшее большой осмотрительности в действиях, не подходило опрометчивому Эссексу. Но положение Ирландии в то время было ужасным; Эссекс стремился туда, чувствуя, что там можно много сделать добра. Бэкон хорошо понимал это и употребил все старания на то, чтобы отклонить его от поездки в Ирландию. Но Эссекс не расположен был внимать благоразумным доводам; тогда Бэкон написал целый трактат о положении дел в Ирландии. Эссекс уехал в Ирландию, не развернув трактата.

Он не мог действовать там в интересах английского правительства: ему прежде всего хотелось расположить к себе ирландцев – он привык, чтобы его любили. Королева была недовольна его распоряжениями в Ирландии и горько жаловалась Бэкону; она даже публично осуждала поведение своего наместника в Ирландии. Эссекс не исполнял приказаний и даже возмущался ими. Это тягостное двойственное положение вскоре утомило наместника и наскучило ему; он бросил все и уехал в Англию. Прямо с дороги Эссекс явился к своей королеве и упал к ее ногам. Он нашел ее за туалетом, стал просить прощенья, целовал ее руки. Неожиданная радость засветилась в ее глазах; казалось, все было прощено и забыто. Но в тот же день, присутствуя на совете, взволнованная королева терпеливо выслушала доклад о действиях Эссекса в Ирландии, и в ней заговорили другие чувства, более приличные королеве – правительнице Англии. Вечером Эссекс был подвергнут домашнему аресту. Бэкон навестил Эссекса, но не решался публично защищать своего покровителя. Ему, очевидно, хотелось остаться верным слугой королевы и преданным другом Эссекса, но это было в высшей степени трудно. Эссекса перевели в тюрьму; он опасно заболел, и королева опять сжалилась над ним, велела

перевести его домой. Друзья графа старались расположить в его пользу общественное мнение, а враги распускали слух, что он только прикинулся больным, и в то время, когда глава церкви еще публично молился о выздоровлении Эссекса, в душе королевы возникли новые подозрения. Ей захотелось видеть его безоружным у своих ног; тогда она вознесла бы его высоко. Однако Бэкон сомневался в таком исходе и держался в стороне от людей, горячо преданных Эссексу, но все же, со своей стороны, пытался смягчить сердце королевы. Несмотря на неискушенность в поэзии, он сочинил даже сонет, в котором просил королеву помиловать Эссекса.

Когда делу Эссекса придали значение измены, Бэкон хорошо знал, что ему как советнику короны придется принять участие в процессе против своего покровителя. Королева, понимая неловкость его положения, казалось, хотела его устранить. Но узнав об этом, Бэкон выразил королеве не только готовность, но и полное желание действовать против Эссекса; он думал этим убедить королеву в своей полнейшей преданности.

5 июля 1600 года в Йоркхаузе Эссекс, стоя на коленях, слушал речи девятнадцати обвинителей, в числе которых находился Бэкон; он говорил последним; обвинения его были особенно красноречивы, но на этот раз отличались умеренностью.

На следующий день королева велела Бэкону составить записку о том, что было накануне, и прочитать ее себе. Бэкон, не стараясь оправдать обвиняемого, указал на его раскаяние и выразил надежду на милость королевы. Елизавета заметила ему: «Вы постарались выставить в хорошем свете милорда; тяжело, кажется, и трудно отрешиться от старой привязанности». Это замечание смутило Бэкона, и он с этой минуты старался действовать против Эссекса смелее. В то же время Бэкон хотел, чтобы Эссекс вошел в его положение и понял его желание быть одновременно хорошим гражданином и добрым человеком. Он писал Эссексу, но письма его были натянутыми. Эссекс отвечал на них со свойственной ему искренностью, с оттенком того грустного недоразумения и презрения, которое внушает скрытая измена. Однако надо отдать справедливость Бэкону: зная характер королевы, он всеми способами доводил до ее сведения доказательства раскаяния Эссекса.

Глава III

Бэкон – обвинитель Эссекса. – Казнь Эссекса. – Женитьба Бэкона и звание рыцаря. – Появление его трактата об успехе наук. – Первая книга «Нового Органона» и трактат о мудрости древних. – Бекингэм покровительствует Бэкону. – Бэкон – хранитель печати и лорд-канцлер. – Он посвящает Якову I «Новый Органон». – Открытие парламента и его требование о расследовании действий Бэкона. – Король назначает комиссию из шести пэров. – Бэкон отказывается от защиты

Отношения к осужденному Эссексу служат главным обвинением Бэкона в неблагодарности и безнравственности. Обаятельная личность Эссекса прошла «веков завистливую даль» и продолжает восхищать потомков, как восторгала современников. Отношения Эссекса к Бэкону известны нам, отдаленным потомкам, так же хорошо, как то, что совершается перед нашими глазами; поэтому поведение Бэкона и вызывает такое всеобщее горячее осуждение. Это налагает известные обязанности на пишущего биографию Бэкона. Необходимо собрать все, что может сколько-нибудь послужить его оправданию. Мы говорили уже, что Бэкон был против поездки Эссекса в Ирландию и употреблял все зависящие от него усилия отговорить его, но, когда Эссекс настоял на своем и поехал, он написал ему целый трактат о положении Ирландии; в нем, конечно, не обошлось без благоразумных советов и наставлений, которыми, разумеется, не подумал воспользоваться пылкий, нетерпеливый Эссекс. Та же судьба постигла советы Бэкона, относившиеся к обращению Эссекса с королевой. Бэкон говорил Эссексу: «Вы поступаете с королевой, как недобросовестный врач: вместо того, чтобы лечить, вы растравляете ее раны для того, чтобы вас звали и звали». Бэкон привык связывать свою судьбу с судьбой Эссекса, и ему казалось, что после падения графа и его судьба должна измениться. Эссекс не приобретал благосклонности королевы, – она досталась ему даром, без всяких усилий с его стороны, а Бэкону пришлось долго ждать и много работать, чтобы заслужить то немногое, чем он располагал в царствование Елизаветы, которая, как видно, никогда не была искренне расположена к нему. Он знал, как ему легко рассердить королеву и как трудно заслужить прощение. Мы уже говорили, что Бэкон не был злым человеком, но у него не было никаких

твердых нравственных правил. Таких людей мы встречаем весьма часто и в настоящее время. Он думал только о себе, когда подружился с Эссексом, и затем старался его выгородить, потому что считал свою собственную судьбу связанной с судьбой Эссекса. Когда же он увидел, что Эссекс летит в пропасть, то постарался спасти себя. Официальное положение его было таково, что ему было довольно трудно убедить королеву в своей преданности, умыв руки в деле Эссекса. Она привыкла считать Бэкона другом своего любимца и, казалось, требовала от него осязательных доказательств того, что он держит ее сторону. Болезненный страх Бэкона потерять положение сгущал краски и без того мрачной действительности. Королева замечает ему, может быть, с тайным сочувствием: «Однако в Вас сильно говорит старая дружба», – а он думает: ну, теперь все погибло. Но, может быть, опасность была не так велика и королева уважала бы его более, если бы видела, что он верен старой дружбе к тому, кого она сама никогда не переставала любить.

Однако Бэкон все же заступался за Эссекса до тех пор, пока королева не сказала ему: «Прошу Вас, ни слова об Эссексе». Тогда Бэкон из слабого защитника окончательно превратился в сильного обвинителя. В день последнего допроса Эссекса Бэкон был особенно красноречив; он сравнивал Эссекса и с Писистратом, и с другими историческими злодеями. Все эти сравнения имели одну цель – представить Эссекса каким-то страшным заговорщиком, подействовать на болезненно настроенное воображение королевы. Обращаясь к самому Эссексу, Бэкон сказал, что употребил все зависящие от него усилия сделать из графа верноподданного королевы, потратил на это много времени, но, к сожалению, труд его пропал даром.

Вскоре после этого, 25 февраля 1601 года, заключенный в Лондонской башне Эссекс погиб от руки палача. Ему было тридцать четыре года. Это была во всех отношениях замечательная личность, способная действовать на воображение толпы. Он жил и умер человеком вполне популярным. Необходимо было оправдать его насильственную смерть в глазах публики. Королева, видя, что ее повсюду холодно встречают, просила Бэкона написать что-нибудь веское в защиту своих действий. Это можно было сделать, только запятнав память покойного милорда. Бэкон не только взялся за это, но даже и здесь преуспел в своем усердии. Впоследствии ему пришлось отказаться от многого и он оправдывался: «Я писал то, что мне было приказано королевой».

Королева осталась довольна Бэконом; однако есть такие услуги, за которые, как говорила Екатерина Великая, награждают,

но не уважают. Елизавета же ничем не наградила Бэкона; может быть, она даже чувствовала к нему неприязнь, потому что до конца своей жизни любила Эссекса, после смерти которого жизнь потеряла в ее глазах всякую цену. За три дня до смерти Елизаветы ее считали мертвой, потому что она не хотела говорить и лежала неподвижно; наконец она сказала, что отказывается от лекарств, желая поскорее умереть. В марте 1603 года Елизавета скончалась и на престол вступил ее племянник Яков I; началось печальное царствование династии Стюартов. Нам необходимо сказать несколько слов о личности этого короля, чтобы уяснить положение Бэкона в его царствование. Несмотря на все свои слабости, король был человек очень начитанный и ценил ученых. Бэкон, впрочем, заручился симпатией короля значительно ранее. Сочиняя панегирик Елизавете, Бэкон говорит, что одно из лучших ее дел – это назначение такого преемника. Король высказывал любовь к философии, и Бэкон уверял его, что готов посвятить ей всю свою жизнь.

Но в это время он задумал жениться на Элис Бэрнгем, богатой девице, происходившей из древнего рода, для чего ему необходимо было рыцарское достоинство, в которое король так щедро возводил многих. Бэкон достиг желаемого. Он женился и после смерти брата сделался собственником всех владений своего отца. Но, «как в ясном небе тучка», было одно обстоятельство, смущавшее покой Бэкона; друзья Эссекса были в милости при дворе. Положение Бэкона среди них было неловкое. Мы не видим, однако, никакого раскаяния со стороны Бэкона, никаких угрызений совести; он стремился только выйти из неловкого положения. Протягивая руку пострадавшим друзьям Эссекса, он говорил, что всегда сочувствовал им тайно, а теперь может выражать такое сочувствие и явно: вот и вся перемена в их отношениях. Он наивно думал, что таким признанием загладил прошлую вину перед современниками и потомством.

Среди всех треволнений, сопряженных с общественной и политической деятельностью, Бэкон оставался верен мечтам своей юности о преобразовании в области философии и наук. Не проходило дня, чтобы он не отдавался этой мысли; его как бы сама природа предназначила для великих открытий, которых он, однако, не сделал, потому что открытия зреют в тиши. Когда он отдавался умственным интересам, то совершенно искренне клялся посвятить им всю жизнь, – однако последняя громко заявляла свои права. Богатство, видное положение налагали на него свои обязанности, которые требовали времени. Он не мог забыть своих отношений ко двору и к парламенту. У него были также и враги, которые возбуждали в нем злые чувства и лишали

его спокойствия, необходимого для великого труда. Он писал отрывками. Жизнь Бэкона убеждает нас в справедливости мысли, высказанной Ремюза: «Умственные интересы поглощают ум, но не управляют жизнью, которая повинуется совсем другим законам».

С 1603 до 1617 года в жизни Бэкона произошло много важных событий: вышло в свет первое издание его сочинения об успехах знания под заглавием «Of the proficience and advancement of learning». В области мысли Бэкон обнаруживал большую смелость, а в жизни дрожал за свое благополучие. Изучая его жизнь шаг за шагом, чувствуешь, что вместе с ним то поднимаешься на высоту, то опускаешься в самые темные ущелья. Непосредственно за напечатанием упомянутого сочинения следовало столкновение с Куком, который был женат, как мы сказали, на кузине Бэкона. Кук ведь сделался заклятым врагом Бэкона еще в царствование Елизаветы. Теперь эта старая вражда воскресла с новою силою. Бэкон по природе своей был мало способен к чувству ненависти. Он вообще не обладал пылкостью, и в сношениях с людьми отличался скорее равнодушием. Но Кук составлял исключение: он всегда был предметом жгучей ненависти Бэкона, а жена его неизменно пользовалась нежной симпатией своего родственника. В царствование Елизаветы Бэкон имел несколько крупных столкновений с Куком; он держался с достоинством, однако все же терпеливо сносил оскорбления от человека несравненно ниже его по способностям, занимавшего волею судеб высшее общественное положение. При Якове I Бэкон приобрел более веса и мог, наконец, поднять голову; теперь можно было и не сносить оскорблений; между тем Кук продолжал свои высокомерные выходки. Бэкон написал ему письмо, настойчиво прося его изменить обращение. Ответ Кука неизвестен, но после этого письма он действительно стал сдерживаться. Куку везло: он получил новое повышение. А Бэкон все продолжал добиваться должности штатного адвоката и напоминал Роберту Сесилю, государственному секретарю, графу Солсбери, что это место обещано ему вот уже тринадцать лет. Целый год он неустанно просил короля и министра; наконец, 25 июня 1607 года, его сделали штатным адвокатом. Он, разумеется, вскоре оправдал выбор короля. В палате общин Бэкон явился лучшим оратором. Он с величайшей ловкостью поддерживал мысль о соединении двух королевств. Существует мнение, что гениальный человек не может быть тем, что принято называть деловым человеком. Но пример Бэкона опровергает это мнение. Его деятельность штатного адвоката и теперь высоко ценится юристами. Может быть, вследствие этого предубеждения Бэкон так долго и не мог получить места; но, заняв должность, он

доказал, что к нему были глубоко несправедливы.

Служебные занятия не помешали ему написать научное сочинение, не имевшее ничего общего с юриспруденцией. В нем он высказал свои мнения о значении наук и средствах направить их на путь истинного изобретения. Сочинение это представляет первую книгу «Нового Органона». Бэкон не печатал его, а разослал в рукописи своим просвещенным друзьям, которые, однако, испугались смелости и новизны его взглядов. Они были преданы схоластике и отличались осторожностью. В 1609 году Бэкон напечатал трактат о мудрости древних вообще и о мифологии в частности. Это сочинение не лишено остроумия, но отличается, как мы увидим потом, большой искусственностью.

Как только Бэкон почувствовал под собой почву и приобрел влияние, он начал мстить своему врагу Куку. Он уговорил короля дать ему место королевского судьи – более почетное, но менее выгодное. Рассерженный Кук, встретив Бэкона, сказал: «Это вы нанесли мне такой чувствительный удар?» – «Я, милорд, – отвечал Бэкон, – Вы так широко раскинулись, что Вам не мешает стать немного повыше, иначе Вы сделаетесь уродом».

Со временем Бэкон добился того, что Кук потерял место и даже был посажен на скамью подсудимых. Унижая врага, Бэкон всячески старался угодить королю и его любимцам теми же методами, что и в царствование Елизаветы.

Достигнув, наконец, положения, которое занимал его отец, Бэкон писал Бекингэму, что он – образец и пример самой верной и нежной дружбы.

Действительно, ни один философ еще не занимал такой важной общественной должности. Власть в руках философа входила в идеал Платона. «В лице Бэкона этот идеал осуществился, – заметил Ремюза, – но все, что нам известно об общественной деятельности Бэкона, не говорит в пользу идеала Платона, который был не более как химера». Против этого можно, однако, возразить, что Платон не предвидел такого философа, как Бэкон, в котором ум и сердце совершенно расходились. В древности философия и жизнь были неразрывно связаны. Тогда не существовало формальной нравственности, положившей начало такой двойственности, о которой говорил Маколей: «Существуют люди, ум которых высоко парит над землею, а сами они, под влиянием страстей, пресмыкаются по земле». Мы видели, что Бэкон, добиваясь важного общественного положения, употреблял все средства для *достижения* своей цели; а когда он поднялся на желаемую высоту, необходимо было прибегать к тем же мерам, чтобы *сохранить* за собой положение. В царствование Елизаветы общественные должности занимали люди умственно

незаурядные, имевшие кое-какие достоинства; в царствование же Якова I власть принадлежала ничтожному Бекингэму, и все занимавшие важные должности были ему под стать. Среди них возвышался Бэкон, но только умом, а во всем остальном он не выделялся из толпы этих темных людей.

Любимец короля, граф Соммерсет, увез жену у сына графа Эссекса и, вытребовав насильственно развод, женился на ней. Добившись своей цели, Соммерсет хотел отделаться от одного своего бывшего поверенного; он усадил его в тюрьму и затем отравил. Это дело могло обнаружить многое, компрометирующее и самого короля. Но Бэкон употребил весь свой ум и всю свою опытность, чтобы замять его и смягчить наказание главным виновникам, жертвуя менее виновными исполнителями их воли. Это была огромная услуга королю. Она служила выражением благодарности, потому что Бэкон в то время был уже генерал-прокурором.

Выгораживая Соммерсета, Бэкон не только ясно видел, что роль его кончена, но зорко искал его преемника, на котором с удовольствием останавливались глаза короля, и постарался расположить будущего любимца в свою пользу. Это был Вильерс; ему едва только минуло двадцать четыре года, как его сделали сначала рыцарем, потом бароном, виконтом Вильерсом и, наконец, графом Бекингэмом. Бэкон, конечно, не оставил его без наставлений, и тем самым пером, которым писал «Новый Органон», набросал план поведения «безукоризненного», или во всех отношениях «совершенного», любимца. Этот труд ни в каком отношении не пропал даром; Бекингэм, вероятно, воспользовался благоразумными советами Бэкона, потому что состоял неизменным любимцем двух королей. И Бэкон получил свою награду: Бекингэм постоянно напоминал королю о Бэконе, вследствие чего он и был сделан хранителем печати.

Получив новое назначение, Бэкон отпраздновал его с большой пышностью. Все видели, как он торжественно ехал окруженный свитой из Gray's Inn'a в Вестминстер, а перед ним несли большую печать. Один из его сотоварищей заметил при этом: «Я думаю, он скоро приедет сюда обратно, но только не в таком великолепном экипаже». В Вестминстере, после присяги, Бэкон сказал блестящую речь, которая, казалось, предвещала Англии славные дни. Он умел заставить работать всех своих подчиненных. Это был бы настоящий министр, если бы он обладал хотя самыми необходимыми нравственными качествами. Во время путешествия короля Бэкон, можно сказать, был его наместником. Он давал при дворе блестящие балы, принимал посланников в белой зале. Но, упоенный роскошью, окруженный

почетом, он не мог забыть своего врага Кука. У старого адвоката была дочь, к которой должно было перейти по наследству огромное состояние ее родителей. Отец желал выдать ее замуж за брата Бекингэма, но мать этого не желала. Бэкон принял сторону матери, подчиняясь, как всегда, влиянию предмета первой любви; но, может быть, в этом случае им руководила боязнь, что Кук, породнившись с Бекингэмом, опять займет какое-нибудь видное место. Он посоветовал леди Геттон увезти свою дочь от мужа. Кук прибегнул к вооруженной силе. Бэкон приказал генерал-прокурору преследовать Кука. Эти поступки показывают, что Бэкон под влиянием ненависти потерял голову. Он изменил своей обычной осторожности и в письмах к королю позволил себе невыгодно отозваться о его любимце. Этим он вооружил против себя короля и подготовил торжество Кука. Вникнув в положение дел, Бэкон с ужасом ожидал возвращения короля и Бекингэма. Он готов был просить прощения у того или у другого; но Бекингэм долго не впускал его к себе. Наконец он удостоился его принять, и несчастный философ упал перед ним на колени. Бэкон получил прощение. Но брат Бекингэма женился на дочери Кука, и свадьба была отпразднована с большой пышностью. Эдуард Кук снова получил возможность занять свое место в совете. А Бэкон с того времени очутился в руках Бекингэма и принужден был исполнять его волю. Получив на хранение большую печать, Бэкон выразил твердое намерение не скреплять ею патентов на монополии, которые в то время были истинным бичом народа. Но Бекингэм требовал от него монополий для всех и каждого, кто давал ему взятки. Бэкон сам платил ежегодную дань Бекингэму за покровительство и ни в чем не смел ему отказать; печать приходилось употреблять весьма часто против желания. Зато Бэкон вскоре получил звание лорда-канцлера. Это было в январе 1618 года, а в сентябре того же года он был возведен в звание барона Веруламского. Верулам – название разрушенного римского городка, который Бэкон затеял вновь построить в древнем стиле. Предаваясь внушениям тщеславия и утопая в роскоши, Бэкон равнодушно смотрел, как казнили достойных людей, составлявших честь и славу своего века, только потому, что они не имели счастья угодить Бекингэму.

Трудно себе представить, чтобы при той жизни, которую вел Бэкон, можно было найти время для занятий философией; однако он его находил. Прошло уже шестнадцать лет после появления его труда, представлявшего, как мы сказали, первую часть «Органона». В 1620 году появился в свет «Новый Органон» в окончательном виде. Этот труд сам автор считал капитальным своим сочинением. Он дал ему название «Нового Органона»

потому, что оно должно было занять место «Органона» Аристотеля. «Органон» представляет только вторую часть другого, более обширного труда, который Бэкон не успел окончить. Свой «Новый Органон» Бэкон посвятил Якову I, который, по его словам, напоминал ему Соломона своею мудростью, мирным правлением, своим сердцем и т. д. Перед очами Якова I он и «зажег новый светильник во мраке философии прошлого». На обложке «Нового Органона» был нарисован корабль, готовый пройти Геркулесовы столбы. Бэкон теперь считал себя просветителем мира, посланным свыше. А прежде он отличался большею скромностью, когда писал лорду Солсбери: «Я только звонарь, который встал раньше других для того, чтоб всех созвать в церковь». Но годы и удачи придали ему много гордости.

Из писем Бэкона мы видим, что он послал свою книгу королю, Бекингэму, Кембриджскому и Оксфордскому университетам. Оксфордский университет простер свою любезность до того, что наградил ученым званием молодого человека, посланного передать книгу Бэкона; но в ответах обоих университетов мы находим только голословные похвалы и удивление, что такой высокопоставленный человек занимается еще и наукой. Вероятно, университеты поняли новую философию не больше, чем король и Бекингэм. Любопытно также мнение Кука о «Новом Органоне». На принадлежащем ему экземпляре он написал свой совет автору: «Ты хочешь преобразовать учения древних мудрецов; восстанови прежде законы и водвори справедливость».

«Новый Органон», разумеется, был малодоступен и при первом своем появлении не заслужил той славы, которую приобрел впоследствии; но все же он еще более возвысил канцлера в общественном мнении. Могущество Бэкона было велико, но оно целиком зависело от благосклонности Бекингэма. Король хвалил его сочинения и жаловал за услуги; враги чувствовали его силу. Он был окружен тесной толпой поклонников, живя то в Йоркхаузе, то в Горгамбури, где занимался разведением чудных садов. 22 января 1621 года он отпраздновал шестидесятилетие своего рождения в кругу друзей и почитателей, воспетый ничтожным поэтом Джонсоном, который пользовался такой славой у близоруких современников, что его ставили выше Шекспира. Через несколько дней Бекингэм торжественно преподнес Бэкону титул виконта Сент-Альбанского.

Но через три дня собрался новый парламент. Бэкон, казалось, не ожидал, что вскоре судьба его совершенно изменится и ему придется еще на этом свете явиться на страшный суд. Несмотря на свою проницательность, он не мог и подумать, что такому

положению дел, к которому он так хорошо приноровился, скоро наступит конец. Неудивительно, что этого не приходило в голову королю Якову: тот не знал характера английского народа, но Бэкон мог бы предвидеть протест. Яков вообще не любил парламент, боясь этого незнакомого ему учреждения, освященного традициями страны. Однако он два раза принужден был созвать парламент и не имел основания быть им недовольным. На этот раз Бэкон с гордостью говорил, что члены парламента подготовлены им к правильным взглядам на правосудие. Его рукой было написано и воззвание к народу. При открытии парламента король Яков сказал речь. Он говорил о том, что бережет народные деньги, и просил субсидий. Лорд-канцлер не прибавил ко всему этому и двух слов; он советовал только ораторам быть как можно скромнее. Ораторы же, согласно освященному стариной обычаю, потребовали от имени общин прежних прав и преимуществ. Между ними находился и Эдуард Кук. Глаза Бэкона встретили его суровый взгляд, ясно говоривший, что настал час мести. Парламент не соглашался ни на какие субсидии, прежде чем король не исполнит его требования; он желал безусловной свободы слова, то есть возможности говорить о положении страны, не рискуя попасть в тюрьму. Заручившись, такою возможностью, заговорили о монополиях, которые раздавались поголовно всем родственникам Бекингэма. Дело дошло до того, что придворные захватили в свои руки даже право открывать кабаки в деревнях. Слышались также громкие жалобы на несправедливость суда; последние целиком относились к Бэкону, потому что лорд-канцлер был первый судья в государстве. Бэкон, предчувствуя бурю, советовал Бекингэму как можно мягче отнестись к парламенту. О себе он все еще не беспокоился; он думал, что его не тронут, потому что перед ним преклоняются. Однако вскоре ему пришлось убедиться в своей ошибке. Эдуард Кук, не желая лично сражаться со своим врагом, уполномочил Роберта Филипса– президента комитета, выбранного палатой общин, – заявить об открытии огромных злоупотреблений, виновником которых был сам лорд-канцлер. Речь Филипса произвела сильное впечатление, потому что в ней не было ничего личного; напротив, оратор, видимо, с грустью указывал на низкие поступки своего великого современника. Мы уже говорили, что Бэкон жил с большой пышностью. У него была причудливая фантазия и огромное тщеславие. Йоркхауз по своему великолепию был настоящим дворцом. Когда Бэкон обедал, то весь стол его был всегда покрыт самыми редкими цветами. Работал же он всегда, слушая лучшую музыку, отвечающую его настроению. В Горгамбури он также содержал

целый двор с многочисленной толпой своих придворных. Канцлер был также щедр и на подарки. Раз король прислал ему какой-то ничтожный подарок, а он дал посланному пятьсот рублей, – как теперь говорится, на чай. Он был слишком горд, чтобы входить в подробности своего хозяйства. Жена его отличалась мотовством и в других отношениях вела себя не так, как он мог бы желать. Его слуги раболепствовали перед ним, не брали взятки с просителей и позволяли себе всякого рода бесчинства. Бэкон смотрел сквозь пальцы на то, что они покупали себе поместья. Ему советовали обратить на это должное внимание, но он отвечал с гордостью: «Я устремляю свой взор выше». Это не мешало, однако, ему самому брать подарки с подсудимых, и очень даже ценные. Обвинения канцлера продолжались, и король принужден был назначить для исследования злоупотреблений комиссию, состоящую из шести пэров; в то же время палата общин собирала все новые и новые факты против Бэкона. Настоящая гроза готова была разразиться над головой канцлера. Король и Бекингэм предали канцлера в руки правосудия. Бэкон был не из храбрых; увидав себя без всякой поддержки, он сдался, сознавшись во всем. Он оправдывал себя только тем, что брал взятки за правосудие, но никогда вследствие подарков не действовал в ущерб правосудию. Бекингэм поступил с ним совершенно так же, как он сам когда-то – с графом Эссексом. Сверх того, Бэкон явился козлом отпущения грехов Бекингэма и короля. Сам Бэкон не раз жертвовал менее виновными, чтобы спасти более виновных, – и теперь пал жертвой той же политики. 17 марта Бэкон в последний раз председательствовал в парламенте; он дрожал от волнения, рано закрыл заседание и, вернувшись в Йоркхауз совсем больным, слег в постель. Никуда более не показываясь, он, однако, раза два тайком ходил к королю.

Признавая себя виновным перед всеми, Бэкон в душе считал себя только несчастным. Он говорил, что совесть его чиста, потому что и другие власть имущие поступали не лучше. Великий философ не имел *своего* нравственного идеала, ему не приходило и в голову в этом отношении быть лучше других. Он писал королю, что поднятое против него гонение – только первый шаг к самовластию со стороны парламента; он, Бэкон, пал первой его жертвой, но дай Бог, чтобы она была и последнею. Против Бэкона палата общин представила двадцать восемь обвинительных пунктов; он письменно ответил на каждый из них и признал себя виновным во всех. Однако, чтобы окончательно удостовериться в его признании, комиссия палаты общин явилась к нему, и он подтвердил все: «Милорды, – сказал он, – все это написано моею рукой, продиктовано моим сердцем. Я прошу вас, милостивые

государи, сжалиться надо мною…» и так далее.

У Бэкона не было сильных личных врагов, кроме Кука; никто не радовался его падению. Многие сослуживцы не пришли, не желая быть свидетелями его унижения. Правосудие по отношению к нему было непреклонно, но беспристрастно. Бэкон же, больше всего боявшийся лишений, умолял короля вступиться и спасти его от ареста, причем у него хватило духу писать королю: «Человек, принимающий подарки, может также их и делать; я предлагаю подарок Вашему Величеству. И если Вы спасете меня, то я напишу хорошую историю Англии». Но было поздно. Палата общин провозгласила лорда-канцлера виновным. 3 мая 1621 года ему вынесли приговор, присуждавший его к уплате четырехсот тысяч рублей, к лишению права занимать государственные места, присутствовать в парламенте и являться ко двору и к заточению в Лондонской башне. Бэкон отказался от всякой защиты.

Падение Бэкона не произвело большого впечатления на общество. Все продолжали о нем думать так же, как думали прежде. В то время так часто обвиняли и даже казнили напрасно, что общество потеряло возможность различать правых от виновных. Положение Бэкона скорее вызывало сожаление, все думали: «Еще недавно это был счастливый, высокопоставленный человек, а теперь стал таким несчастным. Вот она, судьба-то!»

Так относился к своему падению и сам Бэкон, обвиняя в неблагодарности короля и Бекингэма.

Глава IV

Положение Бэкона после падения. – Тщетные усилия восстановить свою общественную и политическую деятельность. – Друзья Бэкона. – Его научные занятия. – Смерть Якова и вступление на престол Карла I. – Настроение Бэкона в последние годы жизни. – Последний опыт. – Болезнь и смерть Бэкона. – Бэкон и Шекспир

Бэкон, сосланный в поместье Горгамбури, не мог успокоиться и примириться со своим новым положением. Он не хотел или не мог отнестись объективно к своему заслуженному изгнанию. Он был несчастен, он страдал и не мог страдать молча. Он писал письма к королю, к наследнику престола, к Бекингэму, к министрам, к пэрам, к придворным, которых считал влиятельными лицами; всех он умолял сжалиться над ним. Он и не думал оправдываться, а только жаловался на свое несчастье, говоря, что самое большое для него горе – не видеть короля. Он сравнивал себя с Демосфеном, Марком Ливием и Сенекой: все они были сосланы за подобные же, по его мнению, поступки, но затем их простили, и они снова пользовались милостями, богатством и почестями; несправедливо было бы и с ним поступить иначе. Одним словом, он просил всех и каждого, врагов и друзей, и употреблял все средства, чтобы получить позволение вновь поселиться в Лондоне. Наконец через год Бэкону разрешено было видеть короля; это привело его в детский восторг и вызвало с его стороны письмо, полное самых отборных похвал и блестящих сравнений. Он надеялся, что за этим последует разрешение жить в Лондоне, но обманулся в своих ожиданиях. В глубине души Бэкон все еще считал неблагодарными короля и Бекингэма; он *им* служил верой и правдой, а теперь они подвергают своего старого слугу всем неприятностям ссылки. Он писал королю: «У ног Ваших – Ваш старый слуга; мне шестьдесят лет, и вот уже три года я принужден терпеть всевозможные лишения».

Наконец король сжалился над ним и возвратил ему некоторые права и преимущества; первое время его жалели, но общественное мнение было так настроено против него, что он не мог воспользоваться милостями короля и не показывался в палате пэров ни при короле Якове, ни в последующее царствование. Общественная деятельность Бэкона была, таким образом, кончена. Он тяготился бездействием и скучал, тем более, что

условия домашней жизни, после его падения, ухудшились. Король дал ему пенсию в 1200 рублей; это, вместе с другими его доходами, составляло более 15 тысяч рублей. Но Бэкону с его наклонностью к безумной роскоши этого, конечно, было мало. К тому же пенсию свою он не всегда получал аккуратно, а жена его была плохой хозяйкой. Бэкон, не обращая внимания на перемену обстоятельств, продолжал по старой привычке жить по-прежнему, но теперь его за это все осуждали. Ему пришлось проститься с Йоркхаузом; дом, в котором он родился, перешел в руки герцога Бекингэма. Горгамбури пришлось заложить, и это когда-то роскошное поместье сохранило только свои великолепные деревья. Приезжая в Лондон, Бэкон иногда останавливался у своих родственников, но большей частью в Gray's Inn, где у него, как мы сказали, была пожизненная квартира. В тенистых садах Горгамбури Бэкон находил последнюю отраду в размышлении и наблюдении природы.

Личная жизнь Бэкона осталась незапятнанной; одевался он всегда просто, вел правильный образ жизни, не предавался никаким азартным играм, обращался со всеми приветливо и отличался большим остроумием. Его остроты дышали холодной беспощадностью, но были блестящи и нравились. Бэкон сам придавал им большую цену, тщательно их записывал и составлял из них сборник.

Любовь к лести и к превосходству не помешала ему окружить себя достойными друзьями, о которых следует упомянуть. Первый из них, Бодли, умер еще до его падения; он был великодушный покровитель наук и искусств и увековечил свое имя, основав богатую библиотеку в Оксфорде. Среди его друзей мы находим также ученого теолога, воспетого Мильтоном, и двух молодых поэтов; знаменитого путешественника и моралиста, его родственника, и молодого естествоиспытателя, который через тридцать лет защищал перед строгим общественным судом память Бэкона. Молодой естествоиспытатель не разлучался с Бэконом до конца жизни последнего и был у него вместо секретаря. Они часто гуляли вместе, и молодой человек записывал мысли, приходившие в голову Бэкону во время прогулок. Но лучше всех других понимал Бэкона его друг Гоббс, создавший философию, основанную на его принципах. Такая дружба с людьми весьма различных профессий отвечала многосторонности Бэкона. Казалось, окруженный такими друзьями, одаренный деятельным умом, погруженный в исследование тайн природы и занятый великими преобразованиями, Бэкон мог бы мирно провести последние годы своей жизни. Но из его писем, относящихся к этому времени, мы

видим, что им овладело сокрушение – раскаяние в том, что он провел столько лет, отдаваясь деловой и общественной жизни, противной его природе. Он писал, что держать книгу в руке ему более свойственно, чем исполнять роль политического деятеля. «Мысль моя, – говорит он, – была всегда далека от моих действий». Теперь, удалившись от суеты мирской, он мог бы воспользоваться своим уединением, чтобы работать исключительно для потомства. Но теперь ему было уже шестьдесят лет, и жить оставалось совсем немного. И все же он употребил эти годы на увековечивание своей памяти в потомстве. Обогащенному опытом философу необходимо было только привести в порядок мысли и планы, которых у него накопилось так много.

Первым плодом его мирной, уединенной жизни явилась история Генриха VII, которую он хотел довести до царствования Генриха VIII и Елизаветы. Это сочинение возбудило общий интерес, но не имело большого успеха, несмотря на то, что обладало значительными достоинствами. Локк считал этот труд образцовым.

Ремюза в биографии Бэкона довольно строго относится к этому сочинению: он говорит, что долголетняя деятельность Бэкона наложила свои следы на его мировоззрение; автор так привык сохранять государственные тайны, что утратил с годами смелость и откровенность, необходимые историку. Он на каждом шагу не договаривает, обнаруживая свое благоразумие и скрывая свою проницательность; это придает изложению натянутость и искусственность.

К этому же времени относятся труды Бэкона по законодательству, которыми до сих пор пользуются специалисты по этой части. Здесь, как и всегда, Бэкон от частных вопросов переходит к общим; он начал с рассмотрения законов Англии и кончил знаменитым введением в историю законодательства, известным под заглавием «О всеобщей справедливости и источниках права». Этот труд был мечтой философа-энциклопедиста. Бэкон с одинаковым интересом занимался изучением самых разнородных явлений. Он записывал рассуждения о происхождении ветров, о жизни и смерти, о звуке, о плотности тел; все это, конечно, относится теперь к области устаревшей физики. Его наблюдения неопределенны и неточны; его объяснения неясны и поражают нас своей странностью. Но он с увлечением делал что мог, закладывая, таким образом, фундамент будущего индуктивного изучения природы. Популяризируя свои идеи, Бэкон писал роман «Новая Атлантида», в котором излагал проект общества или академии, называемой

им коллегией шестидневного творения. Он называл также создание своей мечты институтом Соломона и не раз советовал королю осуществить ее, чтоб заслужить славу у потомства. Желание Бэкона сбылось, – со временем такой институт возник под именем лондонского Королевского общества. Поэт, воспевший это важное в ученом мире событие, не забыл идеи Бэкона и назвал его лордом-канцлером законов природы.

От физики Бэкон незаметно переходил к философии. Он собрал все свои философские сочинения, напечатанные по-английски, желая оставить после себя нечто цельное и законченное, причем все написанное им по-английски велел перевести на латинский язык и наоборот; таким образом, он готовил издание своих сочинений на обоих языках. Свое сочинение об успехе наук Бэкон связал систематически с «Новым Органоном» и издал его под общим названием «Instauratio Magna».[1] Этот труд послужил Бэкону истинным нерукотворным памятником. И возмутительно, и грустно читать, что, посвящая эту книгу Якову I, он униженно называет ее «жалким плодом своего уединения».

В период славы и могущества общественная деятельность и рассеянная светская жизнь отвлекали Бэкона от научных занятий, а в последние годы жизни необходимый для занятий покой нарушала нужда, доходившая вследствие известных нам обстоятельств до того, что Бэкону приходилось сидеть даже без пива, в котором он очень нуждался, потому что имел привычку выпивать стакан пива перед сном. Это была одна из его причуд, которыми вообще отличался наш философ: он уверял, например, что на его здоровье действуют фазы Луны; весною, во время дождя, он выезжал в открытом экипаже, также уверяя, что это очень полезно для здоровья.

Посреди великих трудов, которым можно посвятить жизнь, Бэкон не мог забыть своего прошлого величия; в нем не переставал говорить государственный человек, поневоле получивший отставку: свергнутый министр постоянно нарушал покой философа. Он то и дело предлагал свои услуги королю и давал прекрасные советы, которых, однако, никто не спрашивал.

После смерти Якова I на престол вступил Карл I, и у Бэкона опять возникли надежды занять утраченное общественное положение; но герцог Бекингэм по-прежнему оставался в силе, и потому мечты Бэкона остались мечтами. Наконец он смирился со своей участью и продолжал работать в тиши. Настал 1625 год. В то время в Лондоне свирепствовала эпидемия. У Бэкона болезнь отняла его последние силы. Он лишился способности много работать, стал тяготиться жизнью и неохотно принимал гостей. В

это время его посетил маркиз Еффиа. Бэкон принял его в комнате с закрытыми ставнями. «Однако же вы точно ангел, – сказал Бэкону находчивый француз. – Об ангелах говорят, считают их высшими существами, но не имеют удовольствия их видеть».

В последний год своей жизни Бэкон напечатал последнее, самое полное издание «Опытов» и перевод нескольких псалмов в стихах. О своем поэтическом таланте он и сам был невысокого мнения.

Большую часть своего времени автор «Органона» отдавал опытам, но знание природы у него было ниже его знаменитых современников. Избалованная светская жизнь служила плохой подготовкой для естествоиспытателя, и работы его в области естественных наук имели весьма скромное значение, несмотря на то, что он чрезвычайно любил изучать природу. Он погиб жертвой своей любознательности. 2 апреля 1626 года была холодная погода; шел снег. Бэкон катался в экипаже с медиком короля, и ему пришла мысль испытать действие снега на предохранение от гниения органических веществ. Он вышел из экипажа и, купив у одной крестьянки зарезанную курицу, тут же собственноручно обложил ее снегом.

По всей вероятности, от этого он простудился, причем заболел так быстро, что не доехал до своего дома и принужден был искать убежища в находившемся поблизости доме графа Арунделя. Он нашел, однако, силы написать письмо графу, извиняясь, что случайно поселился в его доме без спроса. Это и было последнее письмо Бэкона, где между прочим говорится следующее: «Я чуть было не подвергся участи Плиния, который умер, приблизившись к Везувию, чтобы лучше наблюдать извержение». В конце письма он сообщает графу, что опыт как нельзя более удался.

Бэкон чувствовал себя настолько слабым, что перенести его домой не было никакой возможности; он так и остался в доме графа, окруженный заботами и попечениями его домашних. Через неделю, 9 апреля, великий философ скончался в первый день пасхи. Ему было тогда шестьдесят шесть лет.

Его похоронили без всякой пышности близ Saint-Alban, в церкви св. Михаила, где покоилась его мать. Бэкон не оставил после себя потомства; жена пережила его и вышла замуж за другого.

Один из его друзей поставил ему памятник из белого мрамора, на котором он представлен сидящим и погруженным в свои занятия. На этом памятнике читаем следующую эпитафию: «Фрэнсис Бэкон, барон Веруламский, виконт Альбанский, но более известный под именем светила науки, образцового оратора,

обыкновенно сидел в такой позе. Разрешив все задачи тайн природы и гражданской мудрости, он умер, повинуясь естественному закону: все сложное подлежит разложению, в MDCXXVI году от Р. Х. на LXVI году своей жизни. В память такого великого человека воздвиг этот монумент Фома Меотис, исполняя долг того, кто пережил, проникнутый восторгом к пережитому».

За пять месяцев до своей смерти Бэкон, чувствуя, что ему недолго остается жить, сделал распоряжения относительно своего имущества и своих сочинений и написал духовное завещание, в котором заслуживает внимания сумма, отказанная на учреждение двух кафедр реальной философии в Оксфордском и в Кембриджском университетах. В этом завещании Бэкон не забыл никого из своих друзей и позаботился наградить своих слуг. Он отказал также порядочную сумму леди Кук (урожденная леди Геттон) и ее двум детям. Эта холодная, надменная женщина, жена его врага, постоянно делавшая ему неприятности, внушила, однако, Бэкону такое нежное и глубокое чувство, которое, может быть, было единственное в его душе, не отличавшейся страстностью. В прибавлении к завещанию Бэкон лишает большей части наследства свою жену «вследствие уважительных и важных причин».

В этом завещании деловые распоряжения часто прерываются замечаниями, похожими на исповедь, отличающуюся задумчивой, возвышенной меланхолией. Оно знакомит нас с настроением души Бэкона в то время, когда он мог оглянуться на самого себя и строже отнестись к своему прошлому. Он писал: «Я завещаю свое имя и свою память суду милостивых людей, чужим народам и отдаленному будущему». В этих словах, с одной стороны, проглядывает сознание своих великих заслуг, гордый ум, смело рассчитывающий на бессмертие, а с другой стороны – в них слышится голос удрученного сердца, молящего о пощаде.

Говорят, каждый человек в душе своей носит какую-нибудь трагедию. Странное сочетание возвышенного ума и низкого сердца составляло трагедию Бэкона. Он поддавался всем слабостям своего характера, не мог устоять против соблазнов, и его ум, направленный на другое, никогда не являлся к нему на помощь.

Условия жизни, не оправдывая Бэкона, объясняют отчасти это грустное противоречие. Он с молоком матери всосал убеждение, что нравственность и чистая совесть предназначены играть роль лишь в частной жизни и в дружеских отношениях. Общественная жизнь, напротив, ему представлялась чем-то вроде войны, где все позволительно и простительно. Бэкон был убежден, что как

государственный деятель он обязан был соблюдать выгоды правительства, а главное – угождать королю. Он делал то и другое и считал себя ни в чем не повинным; этим и объясняется его поведение во время ссылки. Но в последние месяцы своей жизни Бэкон, как видно из его завещания, иначе взглянул на свои человеческие обязанности. Вместе с тем он понял, что ему нельзя простить многого. Он опередил свой век во всех отношениях, и только нравственность его была ниже общего уровня.

Бэкон исповедовал религию своей матери и неуклонно исполнял все обряды. В своих сочинениях о религии он отличался большою терпимостью. Но и к религии, как и к нравственности, он относился формально.

Только во время своей болезни, в последний год жизни он сочинил псалом, полный глубокого чувства и искренней веры.

Весьма характерно, что из человеческих страстей Бэкон теоретически больше всего ценил честолюбие и властолюбие и менее всего понимал любовь. Она была ему чужда. Он также совершенно не понимал лирической поэзии. «Великие души и великие задачи, – говорил он, – несовместимы с этим мелким чувством, врывающимся в человеческую жизнь то в виде сирены, то в образе фурии. Однако же, – прибавляет он, – Марк Антоний составляет исключение из этого общего правила. Но Клеопатра в отношении к Антонию была в одно и то же время и сиреной, и фурией». Итак, любовь Бэкон считал, вследствие ее ничтожности, несовместимой с великими чувствами; но собственной своей жизнью он доказал совместимость несравненно более мелких чувств, например, пустого тщеславия с возвышенными стремлениями.

Мы заключим биографию Бэкона, сказав несколько слов о модной гипотезе, что драмы Шекспира написаны Бэконом.

Нам уже известно, что Бэкон прибегал к поэзии, так сказать, только в крайнем случае. Мы видели, что он во время болезни писал псалмы стихами. Он обращался также со стихами к королеве Елизавете, когда хотел ее умилостивить. Но стихи ему плохо давались, и он не раз высказывал это сам; еще менее он был склонен к настоящей поэзии. Такое же отношение к поэзии проявляется и в его сочинениях. Он признает поэзию как отражение мира, а не как зеркало человеческой души. Она должна служить истории, а не сердечным излияниям отдельного человека. Одним словом, Бэкон отрицает лирическую поэзию. Бэкон сам говорит: «Сатиры, элегии, эпиграммы, оды и все, что относится к этому роду, мы удаляем из области поэзии и относим к философии и риторике». Он исключает лирическую поэзию, потому что не в силах объяснить ее. Таким образом, целый мир

поэзии для него остается закрытым. Куно Фишер справедливо говорит, что из этого следует отрицание неистощимого источника всякого творчества: лиризм делает человеческую фантазию изобретательной и настраивает ее поэтически; лиризмом обусловливается всякая художественная деятельность. Без фантазии нет художественного творчества; творческая же фантазия является только вследствие глубокого возбуждения души; лирическая поэзия выражает различные состояния возбужденной души. Отрицать такую поэзию может только тот, кто сам никогда не чувствовал в ней необходимости.

Относя лирическую поэзию к риторике, Бэкон превозносит поэзию аллегорическую. Это превосходство, отдаваемое им последней, основывается на ее *полезности.* Она превращает историю в эмблему, в тип – для того, чтобы скрыть от глаз тайны, или для того, чтобы воплотить истины. В первом случае мы имеем мистическую поэзию, во втором – дидактическую. Мистической поэзией пользуется религия, дидактической – наука; с помощью последней истины делаются понятными и всем доступными. Менений Агриппа басней убедил римский народ в справедливости политического подчинения сословий. В древнейшие времена логические заключения были людям так чужды, что необходимо было сделать их наглядными посредством эмблем и примеров. Тогда было настоящее царство басен, парабол, загадок и сравнений. Вспомним знаменитые басни Эзопа. Изречения древних мудрецов полны сравнений. Как иероглифы древнее букв, так параболы или притчи древнее доказательств: они суть прозрачнейшие аргументы и убедительнейшие примеры. Такое мнение о поэзии естественным путем привело Бэкона к изучению мифов. Но, не понимая поэзии, он не мог верно судить о них; все его объяснения этой области отличаются натянутостью. Приведем пример. Бога Пана Бэкон считал символом природы. Пан представляет как будто бы совокупность земных вещей, которые преходящи, которым суждено существовать короткое время; вот почему Парки приходятся сестрами богу Пану. Рога Пана заостряются кверху: природа, восходя от неделимых к видам, от видов к родам, напоминает пирамиду; символ этой пирамиды – рога Пана. Тело Пана покрыто волосами; эти волосы суть символы лучей света, исходящих от светящихся тел. Тело Пана двоякой формы указывает на соприкосновение человека с животным. Козлиные ноги Пана – символ восходящего мирового порядка; флейта Пана – символ гармонии, семь дудок означают семь планет и так далее. Не все его объяснения отличаются такими своеобразными выводами, но во всех проявляется желание навязать древним свои

собственные представления и понятия о природе. В этом отношении Бэкон изменяет своим собственным правилам. В Прометее он видит *изобретательный* человеческий дух, который подчиняет природу своим целям, полагает основания человеческого господства и проявляет необыкновенную мощь человека.

Куно Фишер объясняет такое отношение к древности и к поэзии родством характера Бэкона с римским духом. Римляне стремились к победоносным войнам, а Бэкон – к победоносным экспериментам. Римляне сделали греческий мир богов гражданским и лишили его поэзии. Такая же отчужденность от всего греческого и родство с римским духом поражает нас в Шекспире, современнике Бэкона. Шекспиру мало удавались изображения греческих характеров, а Бэкон был не в силах объяснить греческую поэзию. И поэт, и философ обладали в высшей степени тем знанием людей, которое вызывается и определяется интересами к практической жизни и к истории. Римские характеры более отвечали их вкусу. В этом обнаруживается большое духовное родство между философом и поэтом, но оно не было следствием взаимного влияния. Интерес Бэкона к римским характерам был настолько велик, что он сам пытался создавать их; набросанные им очерки характеров Юлия Цезаря и Августа Свидетельствуют, что он понимал их так же, как и Шекспир.

Вот в главных чертах все, что мы находим у Куно Фишера относительно солидарности Бэкона и Шекспира – соотечественников и современников. Следует ли из этого, что драмы Шекспира написаны не им, а Бэконом? Разумеется, этого сходства слишком мало, чтобы выводить такое неосновательное заключение. К сожалению, такой вывод был сделан одним из учеников Куно Фишера.

В 1888 году явилась в свет великолепно изданная книга графа Фицтума, посвященная его превосходительству доктору Куно Фишеру, действительному тайному советнику, профессору Гейдельбергского университета. В этой книге снова воскрес вопрос о тождестве Бэкона и драматурга Шекспира. Публика набросилась на нее с тою жадностью, которая ей всегда в этом отношении свойственна. Американец Донелли еще раньше издал книгу, где сообщал, что ему удалось открыть и разобрать шифрованную рукопись Бэкона, из которой ясно как Божий день, что драмы Шекспира написаны Бэконом. Эта книга, представлявшая смелую спекуляцию, имела большой успех и обогатила автора. Граф Фицтум много заимствовал от своих американских предшественников, но все-таки такого счастья он

не имел.

Нам нет необходимости заниматься решением вопроса, сам ли Шекспир писал свои драмы или нет. Для нас важно только, мог ли написать их Бэкон. Эти драмы написаны, бесспорно, великим поэтом. Бэкон же, по мнению компетентных людей, не имел поэтического дарования. Вот простое решение вопроса, искусственно возбужденного и умышленно усложненного. Уцелевшие стихи Бэкона обнаруживают в нем заурядного рифмоплета. Мог ли Бэкон, известный своею холодностью к женщинам, написать «Ромео и Джульетту»? Бэкон провел свою юность тихо и безрадостно; он был слабого здоровья и расчетливо мечтал о карьере; тридцати лет он впервые почувствовал склонность к женщине, которая была во всех отношениях блестящей для него партией; но, получив отказ, через шестнадцать лет женился тоже на богатой наследнице-аристократке. Совершенно иначе шла жизнь Шекспира: пылкий восемнадцатилетний юноша женился на девушке, которая была старше его восемью годами. Рано ему пришлось работать не только для себя, но и содержать детей. Нужда одолевала его, и он, выбившись наконец из сил, бросил жену с ребенком и ушел в Лондон, где примкнул к кружку актеров и, преследуя далекие цели, все же окунулся в жизнь и узнал ее вдоль и поперек… Теперь спрашивается, кто из двух – Бэкон или Шекспир – был более подготовлен к изображению человеческих страстей? Бэкон в сравнении с Шекспиром всегда стоял вдали от жизни и любил больше всего спокойствие. В драмах Шекспира мы не встречаем ни одного слова, ни одного оборота речи, который бы выдавал ученого. Мы видели, что Бэкон, объясняя мифы, не мог не навязать своих идей о природе даже рогатому богу Пану. Возможно ли, чтобы он не вложил своих мыслей в уста своих героев? Знакомство с сочинениями Бэкона и Шекспира может совершенно застраховать от увлечений этой проблемой, которую можно считать вымыслом; но в нем, как во всяком вымысле, есть своя доля правды, – и в настоящем случае такой правдой является установленное сходство двух современников в их взглядах на жизнь и историю. Это сходство в достаточной мере объясняется знакомством Шекспира с сочинениями Бэкона, о чем мы уже говорили.

Глава V

Век Бэкона и его задачи. – Направление философии Бэкона. – Истина – дочь времени, а не авторитета. – Мнение о силлогизме и индукции древних. – Научный опыт, истинная индукция. – Идолы. – Эксперимент. – Открытия и изобретения. – Господство человека над природой – цель науки. – Последователи Бэкона в Англии: Гоббс, Локк и другие. – Влияние Локка на французскую философию XVIII века. – Отношение Канта к философии Бэкона

Век, в котором жил Бэкон, имел, подобно всякому времени, свои особенности; эти особенности, как в хорошем зеркале, отразились в философии Бэкона. В чем они заключались? Чем существенным отличался его век от веков предшествовавших? Это был век реформ в материальных и духовных отношениях людей. Реформы же эти явились следствием открытий и изобретений – изобретения пороха, книгопечатания, компаса.

Бэкон со свойственною ему проницательностью понял, что жизнь человеческая принимает новое направление, отличное от средневекового. Он с восторгом приветствовал зарю новой жизни, отчетливо рисовавшейся его пылкому воображению, и как бы чувствовал, что на нем лежит великая обязанность создать для этой новой жизни новую логику и новую философию. Он говорил: «Малодушно было бы отнимать у времени его неотъемлемое право. *Истина есть дочь времени,* а не авторитета. А какое время старше нашего? Наш мир стал старше, обширнее, богаче: наука должна стать на один уровень с этим далеко ушедшим вперед состоянием мира. Границы вещественного мира расширились, умственный мир должен также расширяться. Позорно было бы для человечества, если бы область умственного мира ограничивалась древнею мудростью». Ощущая на каждом шагу благотворное влияние изобретений, Бэкон высоко ценил открытия, от которых зависят изобретения. Он сам задачу своей философии сформулировал следующим образом: она стремится подчинить науку духу пытливости, освободить этот дух от случайности, которой подвержены человеческие открытия и изобретения. Он устанавливает новую логику, соответствующую духу изобретения, для того, чтобы люди делали сознательно то, что до сих пор всегда являлось следствием счастливой случайности. Он говорит: «До сих пор люди *обретали,* а я хочу им доставить возможность *изобретать».* Вследствие этого Куно

Фишер справедливо называет Бэкона *философом изобретения.*

Разбирая философию Бэкона, мы видим, что он создает метод изобретения и стремится дать человеку орудие, с помощью которого он мог бы завоевать мир. Это орудие и есть «Новый Органон» Бэкона.

Изобретение есть цель науки, а назначение изобретения – человеческая польза; последняя же состоит в том, что удовлетворяет жизненные потребности человека, увеличивает удобства жизни, усиливает его могущество. Наука должна служить человеку, дать ему власть над природой. Но властвует тот, кто имеет мощь, а мощь принадлежит тому, кто обладает знанием. В самом начале «Нового Органона» Бэкон говорит: человеческое знание и могущество – это одно и то же.

Бэкон не признавал науки для науки; человеческая жизнь была ему дороже всех теоретических интересов; в ней, по его мнению, не было ничего презренного, не заслуживающего внимания. Наука, как солнце, должна озарять все существующее в мире. Солнце озаряет и дворцы, и клоаки, не роняя этим себя. Что достойно существования, достойно и изучения; наука есть только изображение бытия.

Итак, согласно Бэкону, могущество человека есть цель изобретения. Но чем обусловливается сама возможность властвовать над миром вещественным? Она дается только близким знакомством с этим миром. «Мы должны, – говорит Бэкон, – посвятить людей в подробности вещей, – так, чтобы они заранее отказались от всяких понятий и начали *обращаться с самими вещами».* Это обращение с вещами есть опыт. Итак, опыт есть средство к изобретению. Поэтому Бэкон возводит опыт в основное начало науки и является, таким образом, *опытным* философом.

Правильное понимание природы есть средство, которое направляет опыт к изобретению, и наука о природе есть основа всякого знания.

Бэкон утверждает: мы ищем науки не в узких клетках человеческого ума, а в широком царстве мира. Господство человека над царством вещей – самое разумное и возвышенное. Но власть человека над вещами основывается только на искусстве и на науке. Ибо над природой можно властвовать, только повинуясь ее законам.

Природа требует истолкований, как книга. Ум должен изображать природу, списывая с нее, ничего не прибавляя от себя и ничего не умаляя. Для того чтобы взглянуть на природу таким независимым взглядом, мы должны отказаться от всех понятий, почерпнутых не из природы вещей, а из своей собственной, то

есть от понятий предвзятых. Такие понятия суть идолы. Идолов человек или создает сам или наследует, причем последние зависят от нравов, обычаев и привычек, передаваемых одним поколением другому. Эти идолы омрачают человеческий ум и скрывают от него природу; их следует оставить на пороге науки.

Истинным созерцанием вещей, по Бэкону, можно называть то, что остается по удалении всех идолов. Например, Птолемеева система была таким идолом в век Коперника. Коперник наблюдал астрономические явления независимо от унаследованных воззрений и открыл новые законы. Но существуют еще и другие идолы. Учение об идолах составляет важную особенность философии Бэкона, поэтому о нем мы поговорим подробнее. Он различает два рода идолов по их происхождению: 1) естественные, составляющие особенности человеческого рода, или отдельной индивидуальности и 2) наследуемые исторически. Естественные подразделяются на племенные заблуждения (idola tribus) и случайные (idola specus); исторические опираются на нравы, обычаи, привычки, порожденные человеческими отношениями (idola fori) или общественными преданиями (idola theatri). Это различие Бэкон поясняет следующим примером: «Когда я говорю: Солнце движется вокруг Земли, потому что так учит Птолемей, то я сужу по idolon theatri. Когда я утверждаю то же самое потому, что все так говорят, то я сужу, подчиняясь idolon fori. Когда я говорю: это так, потому что вижу это собственными глазами, то я сужу по idolon tribus».

Итак, нас обманывают и ум, и чувство. И ум, и чувства требуют обработки, исправления, поддержки. Им на помощь должно явиться искусство. Что невозможно одному чувству и уму, то удается тому и другому с помощью инструмента. Вооруженное инструментом человеческое восприятие становится объективным: без инструмента оно обманчиво. Что невидимо или неясно видимо простому глазу, то доступно глазу, вооруженному телескопом и микроскопом.

Восприятие действительности с помощью инструмента Бэкон называет *наблюдением.*

Из всего сказанного нами видно, что Бэкон желал господства людей над природою с помощью изобретения, зависящего от объяснения природы, свободного от всяких идолов; он завещал человеку: «Знакомься с вещами не на словах, а в действительности, не так, как они являются в ходячих представлениях, а так, как они есть в природе, то есть исследуй сам, воспринимай!»

Согласно этому взгляду, Бэкон стремится изложить физику «в чистом виде»; исследование же конечных причин он относит к

метафизике, говоря: конечные причины обыкновенно исследовались в физике, а не в метафизике, но этот извращенный порядок имел весьма дурные следствия и физике сделал много вреда. Бесплодные рассуждения о конечных причинах вытеснили из физики исследование ближайших естественных причин, то есть законов природы.

Очищенное от всяких «идолов» восприятие, совершенно объективное наблюдение вещей Бэкон называет *чистым опытом.* Опыт идет от фактов и восходит к причинам. Всякое истинное знание есть знание причин. Посредством точного и разнообразного наблюдения и сравнения многих случаев существенные условия выделяются из несущественных. Таким путем опыт от частных фактов доходит до закона. Человек устанавливает факт посредством опыта, затем, вследствие сравнения многих фактов, познает законы, по которым действует природа, или аксиомы, как их называет Бэкон. Такой путь есть индукция.

В предисловии к «Новому Органону» Бэкон говорит: «Мы хотим устранить раскол между опытом и разумом, породивший такую путаницу, и стремимся укрепить их испытанный и законный союз на вечные времена». Бэкон отличает простой опыт и простую индукцию от научного опыта и научной индукции. Для этого он прибегает к остроумным сравнениям, которыми и мы теперь воспользуемся. Простой опыт Бэкон сравнивает с работой муравьев, которые только собирают все в одну кучу, научный же опыт – с деятельностью пчел, не только собирающих, но и очищающих собранный материал. Людей, стремящихся объяснить природу, не прибегая к опыту и наблюдению, он сравнивает с пауками, *вытягивающими из себя свою нить.* Люди, доселе занимавшиеся наукою, были большею частью или эмпирики, или догматики. Эмпирики напоминают муравьев, собирающих много пригодного материала. Догматики подобны паукам, выпускающим ткань из себя; разум же, занимающий средину между этими двумя крайностями, подобен пчеле, которая извлекает свой материал из полевых или садовых цветов, но потом собственными силами и искусством очищает, обрабатывает его и строит свои соты. Такова и настоящая работа философии, ибо она опирается не исключительно на измышления разума, а обрабатывает материал, собранный опытом не в одной памяти, а также и в уме. Эту обработку Бэкон и называет *истинной,* или *научной, индукцией.* В отношении к ней материал есть лес, который она расчищает. Необходимо еще уметь задавать вопросы природе. Вопросы, обращенные к природе, есть эксперименты. Природа, говорит Бэкон, есть Протей, отвечающий только тогда,

когда его принуждают к этому. Итак, эксперимент – это научный опыт.

Познание, добытое таким путем, становится открытием: оно знакомит с законами природы. Применение же законов природы ведет к изобретению. Согласно этому, «бэконовская индукция идет от научного опыта к аксиоме, а дедукция – от аксиомы к опыту. Первая приводит к познанию закона, вторая – к изобретению. Куно Фишер прав, когда говорит, что Бэконова философия, как и его жизнь, оканчивается торжеством научного опыта.

Мы привыкли иметь дело с философскими *системами,* совершенно непохожими на философию Бэкона, особенность которой заключается в том, что она чужда всякой системы и характеризуется неоконченностью, почему и подлежит развитию. Вот главные отличия реальной философии Бэкона от формальной, ведущей свое начало из времен древности.

Аристотелевский «Органон» Бэкон желает заменить своим *«Новым* Органоном». Силлогизму он противопоставляет индукцию, аристотелевской индукции – свою, которую он называет истинной индукцией. И силлогизм, и индукция Аристотеля, по мнению Бэкона, бесплодны. Силлогизм бесплоден потому, что не может открыть ничего нового, ничего неизвестного. Он представляет только форму мысли, требующую содержания. Но истинная наука ищет неизвестное; поэтому силлогизм, связывающий известное, для нее бесполезен. Силлогизм живет одними словами и может создавать только слова. В естествознании опыт важнее силлогизма. Там, где дело идет об учениях, основанных на мнениях, сложившихся в голове человека, – например, в истории, в политике, – он может двигать вперед. Но для исследования сокровенных тайн природы он негоден: здесь единственное средство – индукция и опыт, но опыт не аристотелевский, потому что это – простодушный и совершенно детский способ, состоящий в одном перечислении отдельных случаев, из которого нельзя вывести основательного заключения. Он *не открывает* общих законов и восходит к ним, как бы взлетая, а не шаг за шагом. Древние философы отличались большим нетерпением; они тотчас определяли конечные причины явлений, пропуская промежуточные, а потом считали возможным пополнить недостающие звенья с помощью силлогизма. Этот опыт Бэкон советует заменить другим. «Два пути, – говорил он, – ведут к истине. Один взлетает от чувственных восприятий к самым общим аксиомам и отсюда ищет средних; другой ведет от чувственных восприятий к аксиомам, восходя непрерывно и постепенно. Это – путь истинный, но еще неиспробованный».

Итак, истинный путь от явлений к самым высшим законам природы идет через постепенный ряд аксиом. Этот постепенный ряд аксиом и составляет особенность бэконовского опыта. Самые низшие законы ничем не отличаются от простого опыта, самые высшие суть отвлеченные понятия, а средние суть действующие в природе законы. И они-то– всего важнее. Поэтому необходимо привязать свинцовую гирю к крыльям человеческого духа, чтобы удержать его на земле.

Эти мысли Бэкона рассеяны во всех его философских трудах, но главным образом сосредоточены в «Новом Органоне». Бэкон говорит, что перестраивает заново все здание философии, употребляя в качестве инструмента свой «Органон»: план построения излагает он в книге «О достоинстве и умножении наук». Само же новое здание Бэконовой философии заключается в Instauratio magna. Это сочинение содержит шесть частей: первая часть его – «О достоинстве и умножении наук», вторая – «Новый Органон», третья – «Естественная история». Вполне обработаны только первая часть и первая часть «Нового Органона», в третьей части обработаны десять центурий экспериментальной философии, остальное представляет отрывочные наброски, а многое только обещано. Бэкон сделал что мог, предоставив остальное будущим векам.

Воззрения Бэкона отвечали характеру англичан и были так своевременны, что вызвали ряд преемников, каждый из которых продвинул реальную философию вперед, внеся в нее свой ценный вклад. Последовательными бэконианцами являются Гоббс и Локк. Беркли был последователем Локка, а Юм – последователем Беркли. Бэкон, Гоббс и Локк явились основателями эмпиризма. Бэкон развивался под влиянием реформации, и деятельность его относится главным образом ко времени основания Соединенного королевства при Якове I; Гоббс пережил первое падение Стюартов, республику при Кромвеле и реставрацию при Карле II. «Опыт о человеческом уме» Локка вышел в свет во время английской революции, ровно за сто лет до революции французской. Локк был родоначальником всей французской философии восемнадцатого столетия. Пропагандистом Локка явился Вольтер; он распространял эту философию среди своих современников быстро и легко. В его руках английская философия превратилась в модную французскую, быстро перешедшую в материализм. В Германии влияние Бэкона, Локка и Юма проявилось в философии Канта. Кант серьезно изучал Бэкона. Его критику чистого разума считают созданием немецкой философии, оплодотворенной английскою.

Итак, влияние Бэкона проявилось в различных формах во

Франции и в Германии. В Россию оно проникло сначала вместе с французским материализмом, а значительно позднее мы познакомились с последним проявлением бэконизма в сочинениях Джона Стюарта Милля. Таким образом, идеи Бэкона органически связаны с теми воззрениями, которые господствуют у нас и теперь. Изучение Бэкона могло бы многое выяснить в истории и в политике нашего времени. Философия возникла и развилась под влиянием жизни, она слилась с нею и продолжает существовать нераздельно с жизнью во всем цивилизованном мире. Метод Бэкона, конечно, имеет свои недостатки, суждения его о бесплодности силлогизма преувеличены; но теперь для нас важно то, что в его философии заключались зародыши плодотворных идей. Невозможно создать философию, которая могла бы служить для всех веков и народов; ошибка всех предшествующих Бэкону философов заключалась именно в том, что они считали это возможным, Бэкон первым отказался от решения невыполнимой задачи.

Глава VI

Энциклопедия наук согласно взглядам Бэкона. – История. – Физика. – Медицина. – Математика. – Антропология. – Физиология. – Психология. – Логика. – Этика. – Политика

Взгляды Бэкона на перечисленные здесь науки являются, разумеется, иногда отсталыми и в настоящее время во многих отношениях *кажутся* наивными. Наука идет вперед, и человек, не следивший за нею несколько лет, примыкая к ней опять, с трудом ориентируется, встречая так много нового. Со смерти же Бэкона прошло около трехсот лет. Справедливости ради надо сказать, что Бэкон, вследствие особенных условий своей жизни, не мог следить за тем, что совершалось в области наук в его эпоху и не знал многих важных открытий своего времени. Это объясняется тем, что он стоял особняком от мира ученых и многого действительно не мог знать. Сверх того, Бэкон, вообще говоря, отличался большим высокомерием и считал себя единственным пророком новой философии. Он чувствовал свои великие силы и думал, что один может вывести знание на истинный путь. Но великие силы уходили также и на мелкие дела. В общем, ему удалось указать новый путь; но, конечно, если мы будем разбирать взгляды Бэкона так, как будто они возникли в настоящее время, многое не выдержит самой поверхностной критики. В этом нет ничего странного, скорее достойно изумления то, что мы встретим в них нечто имеющее новизну и цену даже в настоящее время; это замечание преимущественно относится к области гуманитарных наук, где Бэкон оказался компетентнее, чем в естествознании, к которому, однако, чувствовал большое влечение.

Однако заслугу Бэкона не следует искать в верности воззрений на какую-нибудь отдельную науку, а тем более – в правильном решении какого-нибудь частного вопроса; он никогда не был тем, что мы в настоящее время называем специалистом.

Мы уже знакомы с общими взглядами Бэкона; посмотрим теперь, как он прилагает их в отношении к отдельным областям знания и наукам. Он различает три рода выражения духовной деятельности человека: чисто эмпирическое изображение действительности – всемирная история, воображаемое – поэзия и рациональное – наука.

Поэзию Бэкон, как и следовало ожидать, не понимает; он говорит, что она в сравнении с историей есть фикция, в

сравнении с наукой – мечта; в своей энциклопедии наук он занимается преимущественно историей и наукой. Человеческая душа, по его мнению, от чувственного восприятия переходит к мышлению. Тому же порядку должна следовать энциклопедия, начиная с *истории.* Так как мир заключает в себе царство природы и человека, *всемирная* история распадается на естественную и гражданскую… Произведения природы *свободны,* если их производят только силы природы, и *несвободны,* если они зависят от обработки, являются результатами индустрии. Бэкон требует создания истории промышленности, которой он не находит между науками, а также настаивает на необходимости истории естественных уродливостей, отделяя ее от истории нормальных явлений.

История человечества распадается на историю церковную и гражданскую в тесном смысле слова. В этой последней области Бэкон не только первый заметил отсутствие истории литературы и искусства, но и начертал план той и другой, который специалистами этого дела считается образцовым; оценили же его как следует и начали с ним сообразовываться лишь весьма недавно.

Бэкон смотрел на литературу, как и на все, с реальной точки зрения. Он заметил ее реальную связь с человеческой жизнью, а потому признавал литературу жизненным нервом человеческого образования, называя ее оком человеческого духа. Он говорил: «Если в истории мира не достает этой части, она походит на статую Полифема с выколотым глазом».

В немецкой литературе задачу, поставленную Бэконом, разрешил Гервинус. Бэкон предписывал излагать творения литературного гения прошлого времени, как бы воскрешая этот гений из мертвых.

Верный своим принципам Бэкон утверждал, что только из основательно и живо изложенных частных историй может возникнуть всеобщая история, которая точно так же, как философия, основывается на опыте. Великие историки начинают обыкновенно с монографий. С историком происходит то же, что с художником: чем неопределеннее и общее предмет, избираемый художником, тем меньше живости и реальности в его изложении.

Это замечание глубоко верно даже по отношению к ученым. Все великие открытия явились результатом живых стремлений решить какой-нибудь частный вопрос. Проведение касательных к кривым повело к созданию дифференциального и интегрального вычислений.

Бэкон советует излагать историю как можно объективнее, но сохраняя ее национальный характер. Он жестоко осуждает тех

историков, которые пишут историю, поддерживая какую-нибудь доктрину. Смешно, имея какой-нибудь современный идеал правления, навязывать его Александру Македонскому и Цезарю. Такое изложение Бэкон заклеймил названием *пережевывания* истории.

Из биографии Бэкона нам известно, что он написал историю правления Генриха VII. Мы знаем также, с каким успехом он занимался литературой. Этим знакомством и объясняются его вполне компетентные суждения в рассматриваемой области. И здесь он оставался тем же философом и восходил от частного к общему.

Различие между историей и наукой в узком смысле слова Бэкон характеризует следующим образом: история ползет по земле, но источники науки или лежат глубже, или находятся выше. Ибо причины вещей бывают или естественные и сверхъестественные. Наука *естественных* причин есть наука в собственном, настоящем смысле, или философия. Сверхъестественные причины познаются откровением, и только естественные даются знанием; учение о первых Бэкон относит к метафизике. Физика же исследует явления и тела. «Ее предметы, – говорит Бэкон, – изменчивы». К физике Бэкон относил всю область естествознания *экспериментального.* В этой области он не сделал ничего такого, что имело бы цену в настоящее время, он не завещал нам никаких открытий. Зато он первым заговорил об *антропологии,* имеющей целью изображать человека со всеми его достоинствами и недостатками, с его светлыми и темными сторонами. Но Бэкон находит, что изображение человеческой «юдоли плача и печали» уже обладает богатой литературой, и потому не желает ее умножать. Напротив, он говорит, что необходимо составить букет из пышных цветов человеческой доблести и начать науку о человеке изображением человеческого величия, приводя примеры его из истории. Задачей антропологии также должно быть изучение отношения души к телу. Здесь Бэкон довольно ясно формулирует идею физиономики, которая к концу следующего столетия получила такое развитие у Лафатера. Но Бэкон желал основать физиономику на действительных наблюдениях и фактах. Любопытно его замечание, что склонности и страсти больше всего обнаруживаются в *минах,* в подвижных частях человеческого лица, особенно рта. Эти мины он называл невольным языком души. Взаимодействие между душой и телом Бэкон находил даже в сновидениях. Он презирал шарлатанов-снотолкователей, но старался обратить внимание на то, что известным снам отвечают определенные состояния организма.

Из сказанного видно, что Бэкон под названием «антропология» понимал не совсем ту науку, которую мы называем этим именем теперь. То же самое относится к физиологии: последнюю он считает искусством, которое должно служить телесному благополучию, здоровью, красоте, силе и удовольствиям. Она состоит из медицины, косметики и эстетики.

Из-за этого, однако, не следует умалять заслуги Бэкона в естествознании. Они велики, потому что он стремился очистить эту область от бесплодного исследования конечных причин, мешавшего индуктивному изучению доступного нам. Практическое естествознание, согласно Бэкону, распадается на механику и натуральную магию. Под именем первой он разумел то, что мы теперь называем прикладной физикой. Натуральная магия, в смысле Бэкона, есть уменье пользоваться знанием законов природы. Если предположить, что мы узнали законы природы и причины явлений, то можно допустить возможность самому человеку, подражая природе, воспроизводить явления. «Если магия, – говорил Бэкон, – соединится с наукой, то эта натуральная магия совершит дела, которые к прежним суеверным опытам будут относиться, как действительные подвиги Цезаря к вымышленным деяниям короля Артура, то есть как действительные события – к сказкам. Действительность со временем превзойдет наши ожидания и даже мечты». Наш век своими чудесами механики, физики и химии как нельзя более подтвердил приведенные выше слова Бэкона.

Из наук менее всех других была доступна Бэкону математика; он не придавал ей никакого самостоятельного значения и рассматривал ее только как вспомогательное средство естествознания. Это совершенно согласуется с его общими взглядами. Он не признавал науку для науки и не мог придавать значения тем занятиям, которые не вели прямо к практической пользе.

К физиологии Бэкон относит также живопись и музыку. Не придавая большого значения последним, он обращает большое внимание на медицину, которая должна содействовать благосостоянию человека. При этом он не забывает, что Цирцея – сестра Эскулапа, и очень желал бы их разлучить навсегда, то есть очистить медицину от шарлатанства. Он в этом отношении остается верен самому себе, потому что стремился очистить все науки от примеси суеверия. Медицине Бэкон предписывал три цели: она должна сохранять здоровье, излечивать болезни и продолжать жизнь. Но науки о продолжении жизни не было; между тем Бэкон приписывал ей большое значение. Создать такую науку впоследствии пытался Гуфеланд. В интересах

анатомии Бэкон желал вскрытия трупов. На врачей он возлагал также обязанность облегчать страдания, которых они не могут отвратить. Например, тихая безболезненная кончина должна быть также задачей медицины. От медицины Бэкон переходит к психологии. Для нас важно, что сам Бэкон признает свою философию недостаточной для объяснения *духа.* Это замечание относится, по мнению Куно Фишера, к реальной философии вообще. Но Бэкон не отрицает духа; он откровенно объявляет, что дух ему непонятен; он относит это понятие к религии, с которой, по его мнению, наука не имеет ничего общего. Он считает душу отличной от духа и признает ее чем-то вещественным. Дух происходит от Бога, а душа неразрывна с телом. Бэконовская философия преследует силы чувственной души и рассматривает произвольное движение и ощущение. Психология Бэкона представляет, таким образом, ум и волю как *силы* человеческой души. Отсюда прямой путь к употреблению этих сил: к логике и этике.

Первая состоит из логики в тесном смысле слова, т. е. искусства мыслить, затем мнемоники – искусства запоминать и риторики – искусства говорить.

Изобретающий ум есть орган науки. На надлежащем употреблении этой силы основывается вся наука. Логика изобретений составляет задачу философии Бэкона; она служит точкой соприкосновения «Энциклопедии» с «Новым Органоном», о котором мы уже говорили.

Бэконовская *этика* рассматривает человеческую волю с практической точки зрения. Прежняя этика имела в виду скорее предмет деятельности, чем саму деятельность; она занималась отвлеченными вопросами: что такое добро и в чем заключается высшее благо и счастье. Бэкон же предписывает ей заняться вопросами о том, как направить к добру нашу деятельность и научить нас создать себе счастье. Прежняя этика, по мнению Бэкона, напоминала учителя чистописания, сообщавшего нам правила каллиграфии, но не научившего нас писать.

На вопрос: «Что такое добро?» – Бэкон отвечает: «То, что полезно человеку и человечеству в одно и то же время. Что полезно обществу, то общеполезно. Жизнь, посвященная общему благу, должна быть практической; теоретические стремления необходимо направлять к общей пользе. Общеполезная деятельность есть высочайшая из человеческих обязанностей, которые разделяются на общие и частные. К последним принадлежат обязанности службы, семейства, дружбы и т. д.». Добродетель состоит в исполнении долга; необходимо расположить к этому душу человека; последнее же требует знания

людей. Изучать людей следует в жизни и в книгах, обращаясь к поэтам и историкам, преимущественно римским, величайший из которых, разумеется, Тацит. В образовании характеров Бэкон приписывает большое значение привычке.

Идеал нравственного настроения Бэкона – душевное спокойствие, обратившееся в привычку, выработанное равнодушие к впечатлениям. Такая этика в духе Бэкона и вполне соответствует его философии; ее основа – знание людей, которое получается из наблюдений и совершенствуется опытом и индукцией.

Этика в приложении к государственной жизни переходит в *политику*. Политика, по мнению Бэкона, легче этики, ибо направлять отдельное лицо труднее, чем управлять государством. Катон говорит о римлянах, что они напоминают стадо овец; целое же стадо легче пасти, чем одну овцу. То, что в этике добродетель, в политике является политической мудростью. О последней Бэкон не особенно распространяется, обладая в высшей степени искусством молчать. Философ здесь уступает место государственному человеку, привыкшему к сохранению государственных тайн. В немногих замечаниях обнаруживается влияние римлян, из позднейших писателей – Макиавелли. Вообще Бэкон мало говорит о государственной мудрости и больше распространяется о светском благоразумии, которым сам владел в совершенстве. Нередко он с удовольствием ссылается на изречения Соломона.

Мы бросили взгляд на «Энциклопедию наук», написанную Бэконом. Для того чтобы понять цену такого труда, нужно вспомнить, что он выполнен одним человеком. Само собой разумеется, что Бэконовы подразделения не всегда точны, обобщения иногда слабы и произвольны. Что касается систематики, то она не играет важной роли в энциклопедии. Во французской энциклопедии эта система упразднена и заменена алфавитом. Составители французской энциклопедии Дидро и д'Аламбер в предисловии к своему философскому словарю ссылаются на Бэкона как на основателя реалистической философии вообще и первого энциклопедиста. Д'Аламбер говорит о книге Бэкона: «Это огромный перечень того, что остается сделать».

Французские энциклопедисты находились, разумеется, в более выгодных условиях, чем Бэкон; ему пришлось приготовить почву и сеять, французским же энциклопедистам выпало на долю пожинать плоды новой философии и распространять их в образованном мире. Идеи энциклопедистов проникли и в наше отечество, а вместе с ними – и воззрения Бэкона. В трудах Джона

Стюарта Милля также сильно проявляется влияние энциклопедии Бэкона, а Милль, как мы сказали, принадлежит к числу писателей, имевших большое влияние в России. Итак, к энциклопедии приложимо то, что мы говорили о философии Бэкона. В этом легко убедиться: действительно, в этой энциклопедии мы встречаем много мнений, к которым каждый из нас уже прислушался и которые в настоящее время вошли в наш общий умственный обиход.

Глава VII

Параллель между Бэконом-философом и Бэконом-общественным деятелем

Жизнь Бэкона и его научная деятельность для многих остаются загадкой. Как примирить такое умственное величие с таким нравственным ничтожеством? Это противоречие поражало всех биографов Бэкона. Монтэгю старался оправдать безнравственные поступки Бэкона или скрасить их по возможности и представить жизнь философа в виде, более достойном его громкого имени. Но он взялся за очень неблагодарный труд и не достиг своей цели – не разрешил бросающегося в глаза противоречия. Маколей, не пытаясь примирить эти противоречия, напротив, довел их до колоссальных размеров, восторгаясь Бэконом-философом и приходя в ужас от Бэкона-человека. Куно Фишер и Ремюза отнеслись к этому вопросу объективнее, и им удалось отчасти уяснить это противоречие. Оба исходят из предположения, что человек не может таким образом раздвоиться: в науке явиться субъектом с одними свойствами, а в жизни – с противоположными. Наука не похожа на жизнь, поэтому одни и те же свойства характера могут совершенно различно проявиться в науке и в жизни. Научную деятельность и житейское поприще можно рассматривать как плоды и листья одного и того же дерева: они не похожи друг на друга, хотя принадлежат одному и тому же дереву, следовательно, в равной степени обусловливаются его свойствами. Если мы рассмотрим жизнь и научную деятельность Бэкона с этой точки зрения, то не найдем никаких поражающих противоречий. Одни и те же свойства ума и характера могут как нельзя больше годиться для одной сферы деятельности и оказаться совершенно неподходящими для другой: Великие полководцы, неутомимые путешественники в мирной обыденной жизни являются беспокойными и неприятными людьми.

Посмотрим же, в чем заключались нравственные особенности Бэкона. Давид Юм справедливо говорил, что в нем не было той душевной силы, которую можно назвать силой нравственного сопротивления. В характере Бэкона встречается много сходного с характером его отца, за исключением тщеславия, которое у сына доходило до страшных размеров. Но эластичность, уменье приноровиться к обстоятельствам было и у Николаса Бэкона

развито в сильной степени. Если бы Бэкон Веруламский так легко и скоро получил должность хранителя великой печати, как его отец, он не сделал бы столько дурного; но ему закрыли прямой путь к деятельности, и он пошел в обход. Жизнь дала ему наглядно понять, что «совершенства его напрасны», а вся суть в том, как бы попасть в милость к любимцу. Можно сказать, Бэкон не имел склонности к дурному; у него были хорошие намерения; мы видели, что он в своей первой речи в палате общин заговорил было о податном сословии и его интересах. Нравственная неустойчивость и любовь к широкой, спокойной жизни заставили его не только отказаться от протеста, но даже каяться… Сделавшись хранителем печати, он дал себе слово не давать монополий, но не исполнил его, потому что не мог противиться воле Бекингэма.

Он всегда уступал внешнему давлению и, точно жидкое тело, принимал форму того сосуда, в который был заключен. Эта эластичность в нравственном отношении является весьма вредным свойством. Нравственное поведение есть непрерывная борьба с лишениями и искушениями всякого рода; оно требует прежде всего упорства, стойкости и уменья не выходить из состояния равновесия. Это своего рода способность или, если хотите, талант; Бэкон был совершенно лишен даже тени такого таланта. Лейбниц принимал за дурное недостаток хорошего, и он не ошибался. Бэкон все воспринимал легко и слабо. Сегодня он в отчаянии, а завтра у него опять розовые надежды. Когда его обвинили в лихоимстве, он просил сжалиться над ним и, говорят, называл себя «сломанной тростью», но это неверно: он, как тростинка, сгибался до земли, но никогда не ломался. После потери своего положения и чести он очень скоро оправился, уединился и предался научным занятиям. Ему все было трын-трава. Он с легким сердцем женился по расчету, равнодушно смотрел, как казнили его покровителя и друга, и ему ничего не стоило валяться в ногах у Бекингэма и просить прощенья. Куно Фишер говорит, что в Бэконе было так же мало ненависти, как и любви, что он никогда в жизни своей никому не мстил, и если бы для силы напряжения человеческих страстей существовал термометр, способный измерять их, то оказалось бы, что у Бэкона градус теплоты сердца был весьма близок к нулю. Он не имел зависти и легко признавал чужие заслуги. Со всем этим нельзя, однако, вполне согласиться. Упорная ненависть к Куку и систематическое преследование его, как там ни говори, показывают, что Бэкон был способен к ненависти. Неверно также и последнее замечание, что Бэкон легко признавал чужие заслуги; он не хотел заметить ни гениальных открытий Галилея, ни

таланта Шекспира, о которых не мог не знать. Но, разумеется, вообще говоря, он относился к людям безразлично. И конечно, не душевная испорченность, а только отсутствие силы сопротивления было причиной нравственного падения Бэкона. Бэкон не мог отказаться от поддержки Бекингэма, любимца короля, но также не имел нравственной силы, чтобы оказать на него влияние, а напротив, сам подчинился ему и участвовал в несправедливостях, посредством которых Бекингэм обогатился. Бэкон, имея такое ясное понятие о праве и справедливости, терпел вмешательство королевского любимца в свою судейскую деятельность; Бекингэм часто составлял приговор, а Бэкон только его подписывал. Все это объясняется уступкой внешним обстоятельствам. Если бы такого рода поступки были противны природе Бэкона, он ограничился бы этим, но мы видели, что он шел еще дальше, позволяя подкупать себя и продавая свои судейские решения; таким образом, он, говорят, нажил миллион рублей. Это уже объясняется тем, что Бэкон не мог противостоять своему безумному стремлению к роскоши. Но из этого опять следует, что Бэкона нельзя себе представить человеком без сильных стремлений, – честолюбие его отличалось большой страстностью, жизненностью.

Нравственное настроение Бэкона Куно Фишер сравнивает с его научным характером и не находит загадочного противоречия, а видит между ними естественную аналогию. Он говорит: «Поставьте такой ум с его силой понимания на путь науки, и он обнаружит здесь те же самые черты характера, которые вообще определяют форму его индивидуальности, только без той грязи, которою он перепачкался в нечистых стихиях мирской жизни. Но стихия науки сама по себе чиста. В науке нет ни позорного своекорыстия, ни постыдной подкупности. Для того чтобы перевести какой-нибудь характер с нравственной почвы на научную, нужно упустить то, чего нельзя перевести, что может быть только нравственным явлением жизни. В отношении к Бэкону – это своекорыстная и слабая форма воли. Как может она выразиться научно? Какую пищу может дать ей наука?»

И Маколей утверждал, что Бэкон только в своей библиотеке был правдив, откровенен, бескорыстен. Со схоластиками ему нечего было лукавить и хитрить: Фома Аквинский не мог заплатить никакой подати, Скотт не в состоянии был пожаловать его пэром. Из всего этого только следует, что если Бэкон не проявил своей безнравственности в науке, то лишь потому, что это было невозможно. Но если мы проведем параллель дальше, то увидим, что результаты научной деятельности Бэкона совершенно согласуются с его нравственными особенностями. В жизни он был

человек вполне практический, и науку свою он также направлял к практическим целям. В жизни он более всего боялся бедности, точно так же и в науке его ужасало малое количество действительных познаний; он и стремился создать новую, способную к приобретениям науку. В обеих областях – и в политической, и в научной – обнаружился его многосторонний стремительный гений. Характер Бэкона был трезв, гибок, практичен, ясен и отличался большою легкостью; все эти свойства находим мы также и в его философии. Политическое поприще Бэкона шло рука об руку с философским; везде он стремился к могуществу, начиная с обширных планов и далеких целей, но достигал последних различными средствами. В жизни Бэкон отличался большим честолюбием; честолюбие руководило им, когда он сорил деньгами, строил дворцы в античном вкусе; но то же ненасытное честолюбие привело его к великому пересозданию философии. Его сочинения даже по внешней своей форме отвечают его образу жизни, который всегда отличался великолепием, – философии своей он также умел придать грандиозный характер. Легкое, ясное изложение, блестящие сравнения рисуют нам основателя реальной философии таким, каким он на самом деле и был. Бэкону и умереть пришлось как-то торжественно: заболел он от научного опыта, последнее слово, написанное его рукой, было: «опыт удался». Умер он в светлое воскресенье, в ясный солнечный день…

Итак, между житейским поприщем Бэкона и его научной деятельностью существует аналогия. Но из этого, однако, не следует, что вторая во всех отношениях обусловливается первой. В жизни великого человека надо отличать существенное, основное от случайного. Бэкон по своим природным свойствам никогда не мог сделаться философом-отшельником, кабинетным ученым. Светская жизнь, разнообразная деятельность были его потребностью; мы видели, с каким трудом он отказался от светской жизни, когда к этому принудили его обстоятельства. В молодости он упорно искал общественной деятельности, только в крайнем случае решаясь сделаться «скучным» книгоедом. Постоянное общение с людьми придало особый характер его философии и положило на нее печать жизненности, которая явилась, таким образом, результатом *основных* свойств нравственной природы Бэкона. Но какое же отношение имела к философии Бэкона его нравственная эластичность? До сих пор мы видели только, что она не могла *помешать* Бэкону в научной деятельности, потому что ей негде было там проявиться. Это мнение Куно Фишера и Маколея тоже справедливо только в общих чертах. Если бы Бэкон был не умозрительным философом,

а историком, то его нравственная уклончивость проявилась бы и в научной деятельности. Из нашего краткого очерка «Энциклопедии наук» все же видно, что в вопросах этики и политики Бэкон становился менее оригинальным, потому что находился под властью житейской мудрости. В своих очерках физиономики Бэкон многое говорил в угоду королю и Бекингэму. На этом подробно останавливается Либих, рассматривая Бэкона как естествоиспытателя. Таким образом, нельзя сказать, что научная деятельность вовсе не зависит от нравственной неустойчивости. Между тем, Куно Фишер идет еще дальше: он утверждает, что эластичность нравственная как бы связана с эластичностью, с подвижностью ума, последняя же принесла большую пользу научной деятельности Бэкона. Из этого можно вывести, что блестящая умственная деятельность и растяжимая нравственность Бэкона выросли, так сказать, из одного корня. Однако мы имеем основание думать, что умственная гибкость и нравственная неустойчивость не одного происхождения, то есть первая может совмещаться с большой нравственной силой. Приведем в пример д'Аламбера. Д'Аламбер не был таким оригинальным философом, как Бэкон, но принадлежит к числу первостепенных математиков; он прекрасно говорил и писал, отличался необыкновенной подвижностью ума, но вместе с тем это был образец нравственного человека, преданный друг, известный своей трогательной благодарностью к простой женщине, которая его воспитала. Нравственная эластичность Бэкона, как мы уже говорили, объясняется скорее воспитанием, средой, в которой он рос, где была распространена формальная нравственность и утилитарный взгляд на вещи. Многие винят в поступках Бэкона *время;* но понятия о чести, как видно из процесса Бэкона, были тогда приблизительно такие же, как и теперь, а возможность наживать деньги, жертвуя честью, существовала во все времена.

Источники

1. Bacon. Sa vie, son temps, sa philosophie et son influence jusqu'à nos jours, par *Charles de Remusat.*

2. Zur Kritik der Shäkspere-Bacon-Frage, von *Dr I Schipper.* Wien, 1889.

3. Francis Bacon. His life and philosophy, by *John Nichol.* Edinburg and London MDCCCLXIX.

4. Critical and historical Essays, *M. Macoulay.*

5. La vie de Bacon, par *Basil Montagu.*

6. Oeuvres philosophiques de *Bacon* 3 v. Paris, 1846.

7. «Реальная философия и ее век» *Куно Фишера,* перевод Страхова.

notes

Примечания

1

«Великое восстановление» *(лат.)*